

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 41

1984

Римма ЛИХАЧ

**ВПЕРЕДИ
БЫЛО ЛЕТО...**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 41

Римма ЛИХАЧ

ВПЕРЕДИ БЫЛО ЛЕТО...

РАССКАЗЫ И ОЧЕРК

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Римма ЛИХАЧ

Римма Константиновна Лихач родилась в Москве в семье военнослужащего.

По окончании средней школы в 1941 году добровольно направилась в действующую армию. Участвовала в боях под Орлом.

С 1950 года работает в редакции журнала «Огонек». В качестве фотокорреспондента много ездила по стране. Ее снимки неоднократно печатались в различных изданиях и экспонировались на всесоюзных и международных выставках. Работы Риммы Лихач в фотожурналистике отмечены дипломами.

Выступает с репортажами, рассказами и очерками. Автор книги об известном советском хирурге К. М. Сиваше «Нет бесследных дней» (1974).

Член Союза журналистов СССР.

В ЭТОТ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Во сне увидела себя маленькой, будто смотрю в окно, а там, у горизонта, сходится низкое серое небо со снежными полями и над снегом качаются ковыли. Казалось, стоит только дойти до конца поля, и можно шагнуть на небо. Так я всегда думала в детстве. С тех пор люблю серые денечки.

Потом приснилось лето, зеленый бульвар, наше залитое солнцем окно. Мама, веселая, молодая, в пестром халатике. Я сижу на подоконнике и собираюсь ехать по тем временам далеко — в Краснопресненский универмаг.

Тут я проснулась и лежала, не открывая глаз. Очень уж хорошо мне было в тот летний день в уютной, маленькой Москве, где Красная Пресня была окраиной. Сердце сладко защемило, а память с удовольствием извлекала из прошлого нас, девчонок, бегающих под вечер по двору, стаи ворон в палевом небе, и мы наперебой кричим: «Чур, моя свадьба!» Чем больше стая, тем многолюдней будет пир. Я горланила вместе с подругами и, конечно, не предполагала, что моя свадьба будет в холодной избе и придут только два наших друга с гитарой.

Я лежала, а мысли крутились, как рекламный ролик в кино. Вспомнилось вчерашнее посещение нашего старого дома.

Накануне позвонил дядя Андрей, бывший сосед, и все тем же назидательным тоном сказал:

— Съезди попрощайся! Домушко-то наш ломать вот-вот будут.

— Обязательно, обязательно, — забормотала я поспешно в ответ.

С тех пор, как себя помню, я побаиваюсь дядю Андрея, а почему — не знаю.

— Как живете? — вежливо спросила я.

— Хорошо живем, вдвоем с бабкой квартиру занимаем, а скучно.

Мы еще поговорили, повспоминали прошлую жизнь. Вспомнилось только хорошее, но в голосе дяди Андрея была печаль.

— Дядя Андрей, наверное, в прежней своей жизни я была собакой, я так хорошо чувствую все, что вы хотели бы сказать.

— Ну, бухнула, ляпнула — собакой! — сказал он. — Собака, она шкуркой в людях разбирается, а ты всю жизнь нажигалась!

И вот в воскресенье муж, дочь и я отправились попрощаться с нашим нескладным двухэтажным купеческим домишком, простоявшим лет сто. Двор был пуст и обреченно тих. И вдруг я услышала тугой стук мяча и крик: «Штандер!» Маленькие девочки замерли в разных позах, вот Нина, Тося, Юля, Зоя, Клава, а это я в ситцевом сарафанчике. Я прохожу мимо знакомых фигурок.

В квартире все двери настежь и застоявшийся нежилой воздух. На кухне закопченные облупившиеся стены. Тихо, словно никогда не тараторили тут хозяйки, не шумели примусы, не исходили пышной пеной корыта.

Я переступила порог нашей комнаты, и сердце екнуло. Она словно уменьшилась. Чужие обои. Зато за стеклом до боли знакомая картина: бульвар, напротив старый особняк, на оконной раме ручка с облезлой хромировкой — сколько раз я бралась за нее!

Яжимаю ее в ладони, и она теплеет. Под окном шуршат троллейбусы, идут прохожие, и как наваждение — кусты акации вдоль бульварной решетки, светлый майский вечер, военный оркестр играет танго «Ночью, ночью в знойной Аргентине». За столом под огромным абажуром мама строчит на машинке и не пускает меня на бульвар, а девочки все там — глазют на танцы. Я хожу по таким знакомым половницам, и плачу, и ничего не могу с собой поделывать. На меня нахлынула «та жизнь». Казалось, стоит только протянуть руку, и дотронешься до любого дня, прожитого тут.

Дочь возбужденно весела. «Вот мои отметки роста!» — кричит она радостно... А муж... Я спиной «слышу» его молчание. О чем он думает? Дрогнуло ли его сердце? Молчит...

Я прошу оторвать оконную ручку. И пока он орудует, как рычагом, оставленной за ненадобностью кривой столовой ложкой, я стою рядом с ним, и на некоторое время ощущение разобщенности покидает меня. Он так старательно выполняет мою просьбу.

Вот и отжил дом свое. И теперь должен умереть. И мы стоим у нашего окна в последний раз. Я прекрасно помню, как тут, у подоконника, в сорок четвертом году, перед отъездом на фронт, муж крепко обнял меня. Я сказала: «Если ты не вернешься, я умру, я не смогу без тебя!»

«Знаю, — сказал он. — Не бойся, я вернусь, я очень люблю тебя». Боже мой, что же происходит теперь с нами?

Я подхожу к камину. На выступающей полке — остатки мраморной доски. Я погладила осколок рукой, и ладонь узнала давний знакомый холодок. Дочь вынимает вьюшку.

— Вот настоящий домовой. — И заворачивает ее в газету.

С тяжелым сердцем выхожу в коридор. Все комнаты квартиры, с обвисшими обоями, без вещей, выглядят душераздирающе печальными. Закрываю глаза и слышу голоса тех, с кем прожила здесь столько лет. Я вспоминаю мебель этих комнат, цветы на окнах

и запахи нашей коммунальной кухни в великие готовки, под праздники.

Уходить в воспоминания опасно, там тоскуешь и с трудом вырываешься из их плена. Но возвращаться в реальность хорошо, когда тебя кто-то встречает и ждет. А если нет?

Мы шли по улице, для встречных — просто прохожие налегке. Ведь груза воспоминаний не видно. Мысленно я все еще была в нашей комнате. Казалось, я не все впитала, не все вычерпала. Хотелось забрать с собой всю ту жизнь и принести домой.

Мы подошли к старенькому зданию школы... С третьего этажа вниз на памятник Тимирязеву смотрела девочка. День был пасмурный, серый, в классе горел свет. И Зинаида Константиновна спрашивала по русскому языку.

— Сильвановский, скажи исключения.

Сильва, тихий, неуклюжий, встал и начал что-то невнятно бормотать. Девчонка, что сидела рядом с ним, неожиданно для себя взяла кнопку и положила острием вверх на Сильвино место.

— Садись! — сказала Зинаида, и Сильва плюхнулся на скамейку. Но тут же вскочил, болезненно сморщившись. Класс грохнул. А у девчонки защипало в горле.

— Сильва, миленький, прости!

Застыв в нелепой позе, он повернулся и, увидев слезы в ее глазах, сказал:

— Ну, ладно уж, не реви!

Он был добрый и тихий. До сих пор мне жалко Сильву, и я ругаю себя за тот поступок.

— Мам! — сказала дочь. — Помнишь, как тебя к директору вызывали за то, что вон из того окна мы с ребятами цветок выбросили?

— Помню, все помню, — говорю я. — Помню, как мы с папой привели тебя сюда в первый раз и нянечка Нюра узнала меня. И запричитала: «Ох, твоя кукла! Ну, если в тебя пошла, набегаешься к директору!»

Прошли школу. Муж все молчит. Идет демонстративно отчужденный. Всегда между нами его желание утвердить себя. Как это он недавно сказал: «Ты пустышка».

— Поступай в медицинский институт, — сказала дочери, — прекрасная профессия — врач!

— А потом скажешь — «защищайся», словно без степени и жить нельзя. Бухгалтер — тоже профессия! — немедленно изрек муж.

Не может он простить мою «ученость».

По дороге домой мы купили бутылку вина, сели обедать, выпили за старый дом. И, как всегда, он молчанием, жестом, взглядом, намеренным непониманием моего настроения враждовал со мной. По невидимой проволочке, как ток, от него все время пробегало нечто, не определяемое точным словом. Я стояла у мойки, и опять, опять, в который раз, знакомые мысли закрутились в голове.

Обиды, которые лежали где-то на дне души, вдруг, как тяжелые валы, покатали на меня. Опять заныла рана, оставшаяся после банкета по поводу моей защиты. Муж встал и предложил тост:

— За Ниночку, без которой не было бы этой докторской.

— Я ни при чем,— закричала Нинка,— я только прочла ее свежим глазом!

Но слово было сказано.

Я потом пыталась объясниться. А что толку? Он закусил удила. Его несет. Взял и заявил мне:

— Завидуешь Люське, живет за мужем, не работает, любовники, туалеты!

Мне б тогда бежать куда глаза глядят! А я стала говорить, что люблю его, свою работу, что Люська мне завидует, она ночи пуще ада боится! А потом заплакала и спросила:

— Как же мы теперь жить будем после всего, что ты наговорил?

А вот живем.

К своим знакомым я с ним больше не хожу. Не хочу. Каждый раз выберет себе «предмет», и начинаются многозначительные взгляды и жесты. А потом, если есть пианино, начинает петь и играть с чувством: «Скатерть белая залита вином...» Стыдно. Не знаешь, куда деваться.

Кончила мыть посуду, и от сверкающих тарелок на душе стало легче. Я решила действовать по совету одного журнала: «Если у вас плохое настроение, пойдите к парикмахеру». И я пошла. И меня подстригли. Сделали великолепную «олимпию», и я помолодела на десять лет.

Господи, господи, ну не менять же теперь жизнь!

Хватит. Пора вставать! Я открыла глаза, а на стенах квадрат солнца. После вереницы дождливых дней это так хорошо, даже тяжесть с души спала. Подошла к окну, воздух ароматный, необъяснимо будоражащий, деревья стоят золотые, троллейбусы катятся, шуршат, чистые, блестящие. Люди идут без зонтиков. Тепло, как летом. От этого утра, от улицы, залитой солнцем, от легкого ветерка показалось, что сегодня случится что-то удивительно хорошее, не может быть всегда так одиноко!

Я с наслаждением стою у окна, вспоминаю сон, и из давних-давних лет приходит забытый мотив прекрасного танго: «Ночью, ночью в знойной Аргентине...»

И от этого щемящего мотива мне сладостно, легко и капельку грустно.

На кухне я разговариваю с Туней. Собака виляет хвостом, поднимает уши и смотрит зелено-кариными глазами. Огромная бурая дворняга увязалась за мной на улице, проводила до подъезда, я вошла, а она, слышу, улеглась за порогом. Я выглянула, собака внимательно посмотрела, глаза умные, будто ждет, что позову,— сердце переверну-

ла. Теперь вот живет у нас второй месяц. Даже странно представить, что раньше ее не было.

Гулять с ней — моя обязанность. Мы бежим с Тунькой по чисто выметенному двору на специальную площадку. Отпускать ее с поводка нельзя, общественница из пятнадцатой квартиры уже бдит, сидя на стуле у подъезда. В любую погоду она не пропускает этого прогулочного собачьего часа пик. Не дай бог отстегнуть поводок! Эта энтузиастка тут же начинает вопить: «Замкни на цепь скотину!» Кого она так ненавидит — хозяев или собак, непонятно, скорее всего тех и других.

Тунька ошалело носится, видимо, и на нее подействовало это ясное утро. А может быть, она почувала мое настроение...

«Ночью, ночью в знойной Аргентине...»

Ах, как хорошо! Такое солнце! Меня прекрасно подстригли, и я чего-то жду!

Мы мчимся с Тунькой мимо стража, причины для крика у нее нет. Но в глазах ее столько злобы, что я говорю: «Тунечка, скажи тете «здрасьте»!» Тунька, словно все понимая, гавкает басом, тетка делается пунцовой, физиономия ее скукоживается.

В лифте я с удовольствием думаю о том, что в клинику мне сегодня не надо. Мне предстоит деловой визит в министерство. Наконец-то есть повод принарядиться, а то на работу приходишь, халат наденешь, и никто оценить новинку не может, а это женщине необходимо!

Значит, так: вельветовая юбка, «водолазка». Завершит это великолепие кожаный пиджак. Я на него в Белграде все динары угрохала.

Походкой кинозвезды я вхожу в министерство. Плыву по новенькому пластику коридора, точно в невесомости, до того легко и приятно двигаться. Сто лет так не ходила!

Распахиваю дверь шестьдесят девятой комнаты и, черт знает почему, говорю:

— Леди и джентльмены!

— Ах, какое нам явление, — бархатно рокочет В. С. — Прошу на сцену!

Я говорю:

— Простите, тут, оказывается, сцена, тут театр, а я из жизни! У нас в лаборатории последняя центрифуга сломалась.

Плюхаюсь в кресло и словно впервые разглядываю В. С. А он, пожалуй, действительно ничего, недаром врачи на вечерах вокруг него вьются.

— Что это с вами сегодня, на вас смотреть опасно, околдуете, — гудит В. С. Он протягивает мне сигареты. У него всегда есть «Кент». И откуда он их берет?

Я затягиваюсь с наслаждением и несу совершенную чепуху:

— Во-первых, мне очень нравится моя юбка, во-вторых, сегодня

бабье лето, в-третьих, я красивая, в-четвертых, господин лорд, вы мужчина хоть куда!

В. С. ошалело таращит глаза, а я без остановки шпарю деловые вопросы. В. С., как заведенный, кивает головой в знак согласия и ни к чему не придирается, все катится как по маслу.

Насмешливым тоном современной деловой женщины спрашиваю: — Я могу считать себя свободной?

В. С. целует мне руку, и глаза его как два вопросительных знака. Точно на крыльях меня выносит на улицу. Боже, хорошо!

«Ночью, ночью в знойной Аргентине

Под звуки танго...»

Никакой сознательности и трудового рвения проявлять не хочется. В сумке лежит получка. Позвоню-ка я подруге и предложу смотаться на Тишинский рынок за грибами.

В автоматной будке открываю кошелек: пожалуйста, двушки есть! Ну все решительно сегодня ладится! Звоню.

— Елена Николаевна еще на приеме, сейчас позовем.

Ага, «еще», значит, скоро кончит. Чудесно!

Подходит Ленка и говорит:

— Дышите!

— Дышу,— говорю,— дышу и без твоих понуканий. Совсем ты зарпортовалась.

— Ах, это ты,— говорит Ленка.— Что случилось?

— Ничего. Давай тряхнем стариной и прогуляемся на рынок за грибами!

— При полном удовольствии! — кричит Ленка.— Встретимся на Маяковской.

— Умница ты,— говорю.— А на мне новый пиджак!

У метро встречные потоки людей текут, перехлестываются, кто спешит, кто прогуливается, болтают, смеются.

Мне всегда кажется, что в деревне люди спокойнее, душевно щедрей. Ведь они открывают дверь своего дома, выходят на порог и видят небо, лес, поле. А мы, горожане? Выскакиваем из подъездов, перед глазами одинаковые кубики домов, вечно нам некогда, вечно мы мчимся куда-то. И что самое удивительное, мы во всем этом как рыба в воде. Мы, конечно, не хуже, чем провинциалы, но качественно все-таки другие — суетливой, шумней.

Раньше, пока не сломали наш дом, я и не замечала этого скопища народа, шла себе и шла, как все. А оказывается, очень интересно приехать из бессутолочной микрорайонной провинции, стать на бойком месте и глазеть на толпу!

Вот известный артист. Идет, как в кино, холеный, уверенный, веселый. До чего же он похож на мать! Она моя любимая актриса. Когда-то до войны, девчонкой, я увидела ее на Бронной. Это произвело на меня неизгладимое впечатление. Я вышла из проходного двора

и остолбенела. Идет. Она! Тут откуда ни возьмись появился Славка из соседнего дома и говорит:

— Эта женщина знает дурочку, которая слопала след Лемешева на снегу. Я тоже съем все твои следы! Вот пусть только снег выпадет.

— Что ты, Славочка, горлышко заболит!

— Ничего,— ответил Славка,— до зимы далеко, мороженым буду горло закалять!

Он посмотрел на меня своими насмешливыми глазами и спросил:

— Можно, я тебя провожу?

— Нет,— сказала я,— у меня есть свой провожатый, а ты иди к своей «зеленой»!

Я видела его с ней на танцплощадке и хорошо запомнила темно-зеленое платье.

Я тогда только пришла. Славка тут же подскочил. Пойдем? «Девочка Надя...» — выводили трубы. Ах, как легко и хорошо было двигаться под музыку со Славкой! И, как назло, у меня слетела туфля. Славка быстро присел, поднял мою белую лодочку и, надевая, сказал:

— Вот видишь, Золушка, твой принц все-таки я.— И посмотрел непривычно печально.

А потом мы танцевали мое любимое танго «Брызги шампанского». Я не чуяла ног. Вот так бы и танцевала всю жизнь. Вдруг Славка чуть-чуть прижал меня к себе и попросил:

— Давай уйдем потихоньку, а то твой дылда появился!

Я не согласилась, а Славка потом весь вечер танцевал с той, «зеленой». Очень хотелось удрать с ним. Но почему-то было нельзя. Нельзя — и все тут. Так с самого детства. Если мы играли в «кольцо, кольцо, ко мне» и я водила, мне всегда хотелось положить колечко именно в его ладони — точно две сцепленные железки, но каждый раз я только чуть касалась его рук — и скорее дальше. Если меня обижали мальчишки, Славка тут же заступался, он колотил их, а жертвы неистово орали:

«Тили-тили тесто!
Жених и невеста!»

И мы еще больше шарахались друг от друга.

Так и не проводил меня Славка в тот день, когда мы видели маму знаменитого артиста. Потом началась война. А когда выпал первый снег, Славки уже не было в Москве.

На следующую зиму в марте на Южном фронте после погрузки в эшелон тяжелораненых ко мне подошел молоденький худенький солдат из выздоравливающей команды и сказал:

— Золушка, вам велено передать уверения в совершеннейшем почтении.

Руки сразу застыли.

— Где он?

— Лейтенант? Увезли. Сам его в вагон вносил.

С тех пор я не знаю, где принц Славка, который звал меня Золушкой.

Наконец из своего Зюзина прикатила подруга, стоит, озирается, «деревенщина» моя. Красивая прическа, сумка новая, пижонка, как всегда! Смеется, машет, смотрит оценивающе.

— Блеск! — говорит она, подходя.

Потом смотрит пристально и произносит:

— Опять дома цирк?

Я только киваю головой, потому что, если скажу хоть слово, разревусь.

— Отключись, — говорит Ленка. — Пойдем проветримся!

— Слушай, я только что видела сына нашей любимой Матвеевой...

— Он тоже хороший артист...

— Не в этом дело, я смотрела на него и почему-то вспоминала наш двор, Славку.

— Хороший был парень, — говорит Лена и, к великому моему изумлению, добавляет: — Все ваши девчонки были в него влюблены, но он, паршивец, за тобой бегал. От зависти мы и дразнили вас. Помнишь, как в парке культуры на катке он подскочил, схватил тебя, и вы умчались, я тогда всю дорогу до дома редела!

— С ума сойти! Ведь я была уверена, что вы считаете Славку хулиганом, презираете, и ужасно боялась, как бы вы не догадались, что он мне нравится.

— Здра-аа-сьте, — нараспев произносит Ленка, — удивила, а то мы не знали!

Мы идем по Садовой, и у меня чуть-чуть стынут руки. И на душе становится светло и печально.

Прямо напротив рынка кафе-стекляшка — самообслуга.

— То, что нам нужно, — кивает Лена.

Мы заходим и становимся в очередь. Плакат на стене призывает: «Пейте черный кофе! Кофе из-за его приятного действия на организм считается по всему миру одним из наилучших распространенных пищевых продуктов. Кофеин, имеющийся в кофе, оживляет нервную систему, снижает и устраняет физическую и духовную усталость!»

Толкаю подругу: прочти!

Ленка прыскает. Мы стоим у столика, «оживляем нервную систему и устраняем духовную и физическую усталость» и хохочем до неприличия. На нас смотрят, но мы ничего не можем с собой поделать. Наконец выкатываемся. Минуем распахнутые ворота рынка, и я остро и ясно вспоминаю, как после войны некоторое время тут кипели страсти. С орденами на груди сидели на тележках безногие инвалиды. Они раскладывали веревочные петли. Надо было поставить палец так, чтобы его затянуло, когда хозяин «игорного дома» дергал конец шпагата. Крутились самодельные рулетки, лежали стопками ставки. Проход был забит игроками и болельщиками. Перекрывая гул, хохот, кричали крупье: «А ну, братва, шлепай монеты на тринадцатое число, выигрыш как в Монте-Карле!»

Однажды мы с подругой вошли и услышали призыв:

— Дамочки, прошу! У меня сегодня женский тур!

У одной из рулеток, сидя на короточках, играли женщины. Наблюдающие мужчины забавлялись, похочатывая, но уважительно и, проявляя такт, одергивали остряков.

Ленка тут же продула тридцатку. Тетка в белом фартуке предложила:

— Ставь со мной на сорок шесть, это мои годочки, а brunетки мне всегда счастье приносят.

Я поставила, и мы выиграли. Потом она продала нам картошку со скидкой. Теперь в воротах не торгуют и не бурлят страсти. Но это, как видно, по-прежнему мужской клуб, с уклоном «на троих». Сегодня что-то пусто, всего одна компания — и та скромно беседует: то ли еще рано, то ли, наоборот, час аперитива прошел.

— Давай покурим,— говорит подруга.

Прикурили у компании. Стали рядом.

— С полным уважением,— сказал сосед,— понятное дело, и женщинам, бывает, надо поговорить.

Все-таки нас признали!

Хорошо после кофе выкурить по сигаретке с подругой и обсудить семейные дела. Ленка жалуется:

— Каково слышать, мой сын умоляет ее по телефону пойти в кино! Понимаешь, умоляет! А я молчу.

— Леночка, ты дама светская, у тебя бездна выдержки. А вот у меня ее нет. Что делать, скажи? Я устала, у нас не жизнь, какая-то сшибка! Кабы знала, что как будет, черт с ней, со степенью! Но ведь мне-то все равно, кто он!

— Дура ты, дура,— говорит Ленка.— Неужели ты не понимаешь! Какой мужик хочет, чтобы жена была выше! Ведь все они эгоисты, толстошкурые, мы, бабы, тоньше. Вот они и не могут этого пережить. И твоему не хватает широты относиться к жене покровительственно и снисходительно. Но вмешиваться тут опасно, еще хуже можно сделать.

— А мы и не вмешиваемся! — вдруг обиделись соседи.

Эта нелепая фраза делает все вокруг легким и веселым. Ну что за прелесть сегодняшний день! Невмешательство гарантировано, артиста видела, «систему» успокоила, грибов купим!

Я смотрю на рыночную суету и говорю:

— Ленка, помнишь? «Ночью, ночью в знойной Аргентине...»

— «Под звуки танго»,— подхватила подруга, и дальше мы поем вместе:

— «Шептала я: люблю тебя.

Объятий страстных той черноокой синьорины

И Аргентины я не забуду никогда...»

— Во дают! — восхищаются соседи.

— То-то же! — торжествующе говорит Ленка и тянет меня за руку.

Мы идем по рынку. Грибов, грибов — море! У горластой выжиги нас прельщают толстые, ровные крепыши, пять штук на кучку. Я осторожно отламываю кусочек шляпки, и — о ужас! — полно червей. Тут же получаю толчок в бок — клади, мол, и сматываемся. С замиранием сую гриб обратно. Хозяйка молчит. И мы шарахаемся в сторону. И тут нас настигает крик:

— Дамочки! Вернитесь!

Заметила-таки!

— Вы забыли сумочку!

— Господи, сумка с получкой, со всеми документами!

Молниеносно переглядываемся с Ленкой и безудержно хохочем.

— Чокнутые какие-то! — вопит торговка.

— Сдвиг по фазе, точно! Это я вам как врач говорю! — кричит Ленка.

Мы забираем сумочку и на соседнем прилавке обнаруживаем россыпи опят.

Нагрузившись, идем к автобусной остановке. Тут продают цветы. Мы покупаем махровые астры. Первым подходит мой автобус. Подруга смотрит, как меня с цветами в поднятой руке несет по проходу, и кричит: «Гражданка, не забудьте ридикюль!» Автобус тронулся. Нас качнуло, и сразу стало свободней.

Кто-то берет у меня сумку, и я слышу:

— Золушка, позвольте вам облегчить ношу?

Я оборачиваюсь и встречаюсь со Славкиными зелеными глазами. Только сейчас они спокойные и чуть печальные, а раньше были какие-то шалые. Физически я словно перестаю существовать. Душа охает, замирает, а потом, как бы оживая, наполняется прошлыми днями, Славкиным голосом, музыкой патефона во дворе, хрустом снега под ногами на платформе и красными крестами санитарного поезда. Шок проходит, я обретаю реальное существование, только руки ледяные. Славка держится за поручень и разглядывает меня. Так мы стоим и молчим.

— Господи, Славка, ты же совсем не рыжий!

— В моем возрасте неудобно быть рыжим. А ты повзрослела, Золушка, — И он знакомо усмехается.

— Куда ты тогда пропал? После того, как тебя увезли в тыл?

— Снова на фронт.

— А потом?

— Это долгая и сложная история, не стоит об этом. Как ты?

— Мы с Ленкой сегодня были на рынке и все время вспоминали тебя, наш двор, каток зимой. Помнишь?

— Я все помню, но все прошло, как с белых яблонь дым. Впрочем, у всех так проходит. Как это сказано: счастливая, невозвратимая пора.

— Значит, не судьба нам.— И он проводит ладонью по моей щеке.— А твой дылда жив?

Я только киваю.

— Эй вы, литераторы, болтаете, проход загородили, ну-ка, пропустите! — Добрый молодец, весь в «фирме», протиснулся между нами.

— А вот реальность! — говорит Славка.

Мы смотрим друг на друга и начинаем смеяться.

— Ой! Мне сходить! — Он отдает сумку, накрывает руку ладонью и тихо говорит:

— Примите уверения в моем совершеннейшем почтении.

Сердце екает.

— Будь здоров, Славка.

Он прижмурил глаза.

Я шагаю с подножки в длинную, косую тень гастронома. За спиной слышу шипение закрывающихся дверей. Я не оборачиваюсь. Зачем?

Я миную густую тень и иду по тротуару. Рыжие клены словно играют с солнцем.

Вон мой подъезд! И я несу грибы!

«...Ночью, ночью в знойной Аргентине...»

ВПЕРЕДИ БЫЛО ЛЕТО...

Назавтра полк уходил в лагеря. А сегодня танцы.

Какой это был вечер! Какое танго! Какой вальс!

Миля, как всегда, была дамой трех кавалеров. Сережке почти и не доставалось танцевать с женой. Ленька и Николай по очереди приглашали ее. Но когда оркестр грянул последний танец — разудалый краковяк, они все вместе обнялись и пустились в пляс. Казалось, клуб рухнет от топота сапог.

Потом крутили кино, но они не остались, сели в электричку и поехали в Москву. Из метро вышли в «Охотном ряду» и пошли гулять по улице Горького и, конечно же, купили эскимо.

Были теплые майские сумерки. По тротуару в вечерней, сиреневой полумгле двигалась пестрая, нарядная толпа гуляющих. Встречные девчонки с завистью поглядывали на трех веселых лейтенантов. Миля задорно косила взглядом в их сторону, она словно плыла на волне радости и праздничности. Впереди лето, отпуск, а сегодня они шли к ним домой.

Все это теперь было далеко. Вот уже три месяца идет война. Муж на фронте, и она не знала, где именно.

И вот вчера рано утром в коридоре раздался телефонный звонок. Как до войны.

Миля бежала к телефону и молила: «Пусть это будет он, он!»

— Слушаю! — закричала она странно тонким голосом.

— Милушка! Это я! Слушай внимательно, я в командировке, отсюда можно звонить! Мы тут неподалеку на отдыхе.

— Ты не ранен? Ты не в госпитале? Где ты?

Он назвал город.

— Я сегодня к тебе выезжаю!

— Лушенька, милая, нельзя, не надо! Неизвестно, сколько пробудем тут.

Жильцы высыпали в коридор и заговорили разом:

— Куда, куда ты собралась?! Сумасшедшая!

— Мапочка! — сказала Мила. — Пойми, его можно увидеть! Ведь война!

На следующий день утром поезд остановился у безлюдного перрона. Вправо расстилалось серое в раннем тумане поле. Слева, за мостом, начинался город. Она вышла на привокзальную площадь. Окраинные улицы просыпались, орали петухи, гоготали гуси. У колонок набирали воду заспанные женщины. В палисадниках еще цвели мальвы. Все напоминало мирное время, казавшееся теперь беззаботным и прекрасным. Сердце сжалось от ощущения, что это кончилось.

Она села в трамвай и доехала до комендатуры.

В приемной коменданта толпились военные. У двери за столом сидел пожилой лейтенант. Она направилась к нему. В комнате притихли, с любопытством ждали, что она скажет.

— Мне обязательно надо к коменданту! Я из Москвы, ищу мужа. Он где-то здесь.

— Откуда вы знаете, что он здесь? — недоуменно спросил дежурный.

— Он звонил! И я приехала.

Мужчины обступили ее. Она стояла в сереньком пальтишке «букле», в лаковых туфельках, с чемоданчиком, всем своим обликом так не ввязавшаяся с этой комнатой, с этими уставшими, озабоченными мужчинами.

Адъютант пошел доложить. Через некоторое время он позвал ее.

За столом напротив двери сидел майор. Мила снова все рассказала сначала. Комендант слушал, подперев голову ладонью. Землистое лицо его ничего, кроме усталости, не выражало. И она, отчаявшись, протянула письмо Сергея. Комендант взял письмо, она встретилась с ним взглядом и обрадовалась. Глаза с белесыми ресницами смотрели участливо. Он прочел адрес на конверте, снял трубку одного из телефонных аппаратов.

— Кораблев, к тебе придет девушка, москвичка. Отправь ее на попутной до артополка. Зовут ее Людмила, — он взглянул на конверт, — Ветрова.

— Ну вот, как добраться, вам расскажут, устроят на машину.

— Спасибо вам, спасибо!

Все получилось так просто, что ей даже стало страшновато.

— Идите, идите, — вздохнул комендант.

Адъютант и все, кто ждал за дверью, стали объяснять, как добраться до артполка. Она кивала и повторяла: «Спасибо! Спасибо!»

День был теплый, в кабину полуторки вливались запахи земли, жухлых листьев. И опять все было так, словно нет никакой войны. Полуторка неслась меж полей, сменявшихся лесочками. Изредка навстречу шли грязные машины, груженные тюками, узлами и сидевшими тесно людьми.

— Беженцы! — обронил шофер.

— Как беженцы? Откуда?

— Да впереди-то немец!

Ехали уже долго. Мила стала беспокоиться. Комендант сказал, что артполк в двадцати километрах, а они их давно миновали. Впереди опять показался лесок. Шофер остановил машину.

— Видать, проскочили. Тороплюсь я. Если не найдешь, еще к кому-нибудь подсядешь.

Мила перепрыгнула через канаву и пошла вдоль леса. Осенний день кончался. Надо было возвращаться в город и завтра снова начинать поиски. Две военные машины не остановились. Наконец показался открытый пикап. Он затормозил. На узлах сидели ребятишки, женщина в огромном клетчатом платке и мужчина в кепке, натянутой на уши. Беженцы. Мила коротко рассказала, в чем дело. Они подвинулись и молча посадили рядом. И Мила поехала в обратный путь. Через несколько километров, почти миновав темнеющий в сумерках ельник, заметили мелькнувшие фигуры. Мужчина застучал по кабине. Мила соскочила и побежала назад. На пенке сидел солдат. В который раз повторила она свою историю. Солдат улыбнулся.

— Я видел вас на вокзале, когда грузились. Пойдемте, отведу в землянку. Он сейчас в штабе фронта, скоро будет.

Солдат повел ее к землянке. И вдруг знакомый голос: «Милка, Милка!» К ней подлетел Николай! Улыбка от уха до уха сияла на его прокопченном лице.

— Ах ты, молодчина! Ах, молодчина! Ну, Сережке будет сюрприз!

— Да что ж ты такой чумазый?! — смеялась Мила.

— Не отмылся еще, не отмылся! — хохотал Николай. — Они с Ленькой в штабе. Идем, я тебе покажу, как мы тут окопались. — Он был так рад, словно это к нему приехала жена.

Все кругом что-то говорят, удивленно смотрят, спрашивают, она отвечает, рассказывает. Так, почти ничего не видя вокруг, она очутилась в довольно просторной землянке. Ее посадили в передний угол, затопили вырытую в нише печку. Народу набилось столько, что некоторые сидели на ступеньках. В полку было много москвичей, все хотели знать, как Москва.

— Ведь они, гады, каждую ночь над нами пролетали ее бомбить!
— Кремль цел? А Арбат? Говорят, на площади Свердлова стоит сбитый «юнкерс»?

— Да что же это вы ее совсем замучили! Дайте поесть человеку с дороги! — раздался прокуренный бас. В землянку протиснулся невысокий человек с облезлым зеленым котелком.

— Поешь, дочка!

Мила ничего не ела с самого утра. Каша была пшенная, непривычного вкуса. С дымком. В землянке стало тихо. Огрубевшие, навидавшиеся всего мужчины смотрели, как ест, аккуратно подставив ладонку, тоненькая девушка в клетчатом платье. И тут за дверью Мила услышала такой родной голос: «Приехала!» Она замерла. В дверях расступились, и в проеме, ссутулясь, появился Сергей. На мгновение он остановился, ответ огня из печки упал на лицо мужа.

Мила не помнила, как бросилась к нему. Сергей отстранился, внимательно посмотрел и знакомым жестом провел по ее бровям. Мила уткнулась лицом в грудь мужа, от него пахло плохим одеколоном и махоркой, и сказала то, что говорила всегда:

— Сереженька! Я так люблю тебя!

— Ох ты, моя золотая! — пробасил повар.

В землянке рассмеялись, неловкость сразу прошла. Сергей сбивчиво рассказывал, как он спешил и все не попадались попутки, а она толком даже не понимала, о чем он говорит, сидела, прижавшись к его плечу, гладила шершавую руку. Ребята смотрели на них, не стесняясь своего любопытства. Да и любопытство ли это было?

— Можно войти?

— Ленечка! Дорогой! Здравствуй! — вскочила Мила и протянула руки. Ленька накрыл их своими лапищами и, улыбаясь, как всегда, застенчиво и мягко, заокал:

— Я же говорил — прорвется! Чтоб она да к своему Сереженьке не прорвалась, быть того не может! — Он сел, снял фуражку, и Мила погладила его короткий, колючий ежик волос.

— Сварим грог по такому случаю! — закричал Николай.

— Какой грог? Из чего?

— Ха, ха! — громыхнул Колька и сверкнул зубами.

Из противогазной сумки появились бутылки водки, притащили аккумулятор с лампочкой, алюминиевые кружки, закоптелый чайник сунули в печку, из снарядных ящиков соорудили стол. Мила пыталась включиться в суматоху, но ей не дали. Сергей резал хлеб. Они не разговаривали, только иногда, встречаясь глазами, счастливо улыбались.

Водку разлили по кружкам и разбавили кипятком.

— Вот вам и грог! — сказал Николай и поднял кружку. — За тебя, Милка, за твой приезд!

И тут ребят прорвало. Наперебой рассказывали ей про Сережку, про бои, вспоминали погибших, рассказывали ей, москвичке,

приехавшей из их прошлой, мирной жизни и не видевшей того, что довелось пережить и увидеть им. Ее приезд всколыхнул все, что пережили они за страшное время боев и отступления первых месяцев войны. Им необходимо было вспомнить все вслух, всем вместе. Старший лейтенант, которого все называли Петюньчик, сказал:

— Из всего полка нас осталось только двести. И три орудия. Но мы не драпали! Только в одном первом бою уничтожили пятьдесят танков!

На мгновение стало тихо. И вдруг Николай заорал:

— Милка! Я же чуть мужа твоего не угробил! Они на кладбище расположились, а мне доносят: немцы пушки у церкви ставят! Ну, я и жажнул батареей!

— Представляешь, — засмеялся Сергей, — чувствую, наши по мне садят, понимаю, что надо сматываться. И вдруг вижу — из-под разрывов на меня несется черная ошалевшая корова!

— И знаешь, что он сказал? — спросил Ляня, а все вокруг заранее рассмеялись. — Самое страшное на войне, чтоб тебя корова не забодала!

Ребята вспоминали, как Колька ночью заблудился в лесу, а когда впереди на дороге увидел танк, пошел следом, танк двигался небыстро, с включенными фарами. На развилке танк повернул, и только тут Николай разглядел крест на боку. Немецкий танк блуждал в лесу, как и он, ведь четкой линии фронта не было.

— И наш командир дивизиона капитан Савков погиб, — сказал Сергей. — И как погиб! Когда не осталось пушек, он залег рядом с командиром полка, а когда того тяжело ранило, с криком «кого убиваете, гады!», бросился в группу автоматчиков и рванул гранату.

Выговорившись, ребята притихли и стали потихоньку расходиться. Наконец Мила и Сергей остались в землянке одни. Лампочка почти не горела, только угли из печки освещали землянку. Они сидели молча, прижавшись друг к дружке, и смотрели на огонь. Угли медленно гасли, покрывались серым налетом. В землянке стало совсем темно...

Утро было колюче-холодное и пронзительно ясное. Они пошли с Сергеем в ближнюю деревню, остановились у приветливой, с веселыми наличниками избы.

— Тут и поживем, — сказал Сергей.

Хозяйка обрадовалась таким постояльцам.

— Какие вы оба ладные да красивые, — приговаривала она, ставя самовар во дворе.

— Можно купить у вас мяса и приготовить обед? Мы ребят хотим в гости позвать, — спросил Сергей.

— А то! Вам полбарана хватит?

Никогда в жизни Мила не покупала полбарана. От такого предложения она несколько оробела.

— Да что же мы делать будем с половиной барана?

Но муж сказал:

— Давайте, хозяйка. Только помогите жене приготовить. Самой ей не справиться. У нас в Москве по столько не покупают.

— Ух ты! Из Москвы! — удивилась хозяйка. — Идите гуляйте, я все сделаю.

И снова они бродили по деревне, садились на лавочки у домов. Шли дальше. Покой заполнял все пространство, от земли до осенне-прозрачного неба. А солнце словно радовалось, глядя на тихие, не искаленные войной места, грело мягко и нежно. Весь страх и напряжение, с которым Мила жила эти три месяца, отпустили, и она почувствовала умиротворение. За деревней на большом лугу они уселись, привалившись к стогу сена.

— Как странно, — сказал Сергей, — ты здесь, никто не стреляет, будто и нет войны. Я как в отпуске побывал, вот только по Москве соскучился. Какая она сейчас?

— Днем такая же, а вечером темная. Представляешь, окна не светятся, фонари не горят. Тоскливо... Господи! Наверное, это нехорошо, но я так счастлива! Никуда от тебя не уеду!

— Нас теперь пошлют на переформирование. Драться-то нечем, от полка три пушки осталось, — вздохнул Сергей.

— Как ты думаешь, война надолго?

— Надолго, ох как надолго! Силен он, сволочь. Пока их перемелешь!

Когда они вернулись в дом, в горнице было тепло, из окошек падал солнечный свет на пестрые половички. В середине солнечного квадрата сидел кот и степенно умывался. У печки хозяйка орудовала ухватом. Они остановились в дверях. «Вот так остаться здесь, и век жить, и ничего не надо», — подумала Мила. Сергей, словно прочитав эти мысли, прижал ее к себе.

Пришли ребята. В избе стало шумно, весело. Наконец уселись за стол.

— Ха, ха! — Колька сверкнул улыбкой и внес из сеней давешнюю сумку от противогаса. Достал и поставил на стол бутылки.

— Что они у тебя там, выводятя? — рассмеялась Мила.

— Скажи тост, а то все мы да мы, — попросил Николай.

Мила задумалась на минуту, подняла стопку:

— За конец войны! За вас, ребята! За то, чтобы все вы вернулись, пришли к нам с Сережкой. И мы пойдем гулять по улице Горького, есть мороженое...

Мила смотрела на ребят и удивлялась. Как изменились они за три месяца! Уезжали на фронт молоденькие мальчики, хрустели новенькими ремнями, а сейчас за столом сидели мужички в выбелившихся гимнастерках, с закрученными клапанами карманов. От них исходила уверенность, сила и еще что-то, что она не смогла определить словом. Это уже были люди, видевшие смерть.

Хозяйка принесла самовар. За окном стемнело, зажгли стеклянную пузатую керосиновую лампу. Самовар урчал, чай пили вприкуску, из блюдечек. И казалось, так будет всегда, казалось, ничто не может помешать им. Но неожиданно все почувствовали, что покоя уже нет, что-то изменилось.

За окном затопали сапоги, кто-то быстро бежал от калитки. В избе стало тихо. Тревога охватила ребят раньше, чем открылась дверь. Посыльный тяжело дышал.

— За вами послали, срочно в полк... Где-то танки прорвались. Занимаем оборону...

И все. События, которые происходили с Милой, как бы замедленно, сорвались, словно захватили и понесли ее в тяжком потоке.

Полк рыл окопы.

— Здесь будет передовая,— сказал Сергей.— Тебя я отправлю в тыл полка. Тебе тут делать нечего!

— Но я же умею перевязывать, я кончила курсы!

Но Сергей чуть ли не силой усадил ее в машину, и она приехала в какой-то лес, тыл полка. Мила решительно подошла к старшине.

— Меня направили получить обмундирование, не могу же я в платье быть там.

Старшина посмотрел озадаченно, но, видимо, поверил, повел ее в палатку, выбрал самые маленькие сапоги, но и они оказались непомерно велики. Дал гимнастерку, брюки, ремень, pilotку.

— Все,— сказал как-то печально.— Сейчас последняя машина идет туда. Поезжай.

Шоссе было пустынно. Уже совсем ночью они остановились, и она услышала голос Сергея.

— Кто в кузове? — спросил строго, незнакомо. И увидел Милу.— Ты зачем вернулась? Кто позволил?

— Ну не ругайся,— просила она виновато.— Видишь, я в форме, умею перевязывать... Лишней не буду!

— Пойми, я должен знать, что ты в безопасности!

Подошел комиссар полка.

— Отправить ее назад нечем,— сказал он,— отведи ее на ночь к связистам и сам оставайся. В случае чего предупредим.

В избе было много народа. Спали, сидя на лавках, положив головы на длинный стол. Было душно, пахло махоркой. В углу на соломе они разглядели спящую девушку.

— Ложись с ней рядом, сапоги не снимай!

Сергей подождал, пока она улеглась, а сам пристроился к столу и тут же заснул. Миле очень хотелось снять сапоги, но соседка тоже спала обутая. И она, в чем была, рухнула.

Разбудило ее хлопанье дверей. За окном серел рассвет. За столом еще спали, только девушка проснулась.

Не обращая на них внимания, хозяева охалками выносили из избы тулупы, валенки, какие-то узлы.

— Куда это они? — удивилась Мила.

— В погреб. Если тут бой будет, запросто избу сожгут или разобьют. Пойдем умоемся.

— Как тебя зовут? — спросила Мила.

— Шура, — сонно ответила она. На петлицах у нее было два кулика и чаша со змеей.

— Ты фельдшер? Я тоже могу перевязывать, поэтому и осталась.

— Ну осталась ты совсем не поэтому, — усмехнулась Шура. — Будешь теперь в моем распоряжении.

На дворе было хмуро и знобко. Они привели себя в порядок, умылись холодной водой из колодца.

— Чаю бы, — размечталась Мила.

— Чаю не будет. Придем в расположение — каши дадут.

Из избы вышел Сергей. Только теперь он разглядел непривычную в солдатском обмундировании, похожую на подростка жену. Мила с опаской ждала, что он скажет. Его умные глаза смотрели грустно и нежно.

— Ах ты, несмышлениш мой, солдатик маленький!

И холодное утро, и сон на соломе, и голод — все ерунда! Он тут, рядом, она слышит его, видит и идет рядом. Так и вошли они, держась за руки, в этот начинающийся осенний день.

В конце перепаханного поля вдоль опушки леса и по обочине шоссе стояли три противотанковые пушки. Чуть дальше прятались в лесочке уцелевшие полуторки. Около одной толпились солдаты. Начпрод, стоя в кузове, вынимал из мешка куски рафинада и щедро раздавал.

— Букин, что это ты сегодня такой добрый? — удивился Сергей.

— Да вот, приказано машину освободить для разведки. — Он нагнулся и протянул два огромных куска сахара. — Берите, берите! Когда еще кашу сварят, погрызите.

Подошла Шура, протянула сумку.

— Вот возьми, твоя будет. Пойдем, покажу место.

Сергей внимательно посмотрел Миле в глаза, крепко поцеловал.

— Будь умницей, — повернулся и быстро пошел туда, на передовую.

Шура привела ее в окопчик неподалеку от пушки.

— Зря не рискуй, осмотришь. Сначала страшновато будет. А мне туда, — она махнула рукой.

Мила огляделась. Все казалось очень спокойным, совсем непохожим на ожидание боя. Пригревало солнце, никто никуда не торопился, солдаты сидели на краю окопов и грызли сахар. Вскоре к ней присоединились солдат и летчик-лейтенант.

— Так это вы москвичка? — разглядывая ее, спросил солдат. — Не робейте! Не так страшен черт, как его малюют! Я вот третий бой пехотой буду воевать, пушек-то нет, и ничего, жив пока! Вот и летчик стал пехотинцем. Как ангел к нам с неба спустился, только на парашюте.

— Я вот в Москве ни разу не был, не довелось, — грустно сказал летчик.

Мила увидела Сергея. Она вскочила, побежала навстречу.

— Мила, вот тебе граната, только одна. Смотри, как надо заряжать. Это запал. Вставить надо так. — Он оттянул ручку гранаты, чуть повернул круглую головку, вставил запал. — Тряхнешь, и сразу бросай.

Сергей разрядил гранату и велел ей все повторить.

— Запал держи тут. — И он сунул его в карманчик ее гимнастерки. Сергей погладил ее по щеке. — Внимательно следи за обстановкой. Если услышишь крик «автоматчики с тыла» — не паникуй. Николай за тобой в случае чего присмотрит.

Вдоль шоссе Мила пошла к своему окопу. Рядом с ней затормозила полупорка. Из кабины высунулся Леонид.

— Ленечка, ты куда?

— В разведку я, Милушка, пока! — Ленька как-то по-детски вытер грязным платком слезящиеся на ветру глаза.

Ей резануло сердце. Обернувшись, она что было сил закричала:

— Сережа! Леня один в разведку!

Сергей быстро подошел к группе командиров. Мила увидела, как он вскинул к козырьку руку, затем побежал назад, к машине, и прыгнул в кузов. Машина быстро удалялась, одна на пустынном, сколько видел глаз, шоссе.

Лейтенант и солдат встретили Милу молча, и она сидела тихо, задумавшись. Сколько они так просидели, Мила не знала, потом вдруг почувствовала: что-то изменилось. Она подняла голову. Летчик и солдат напряженно смотрели вперед.

— Что там? — спросила она.

— Танки, — тихо ответил солдат. — Один, два, три, четыре.

— Где? Где? — Она видела только контуры леса.

— Семь, восемь, — повышая голос, продолжал летчик. И вдруг там, куда они смотрели, сверкнул огонь.

— Вижу! Вижу! — закричала Мила.

— Чего радуешься? — обозлился солдат.

Третьим же снарядом танки накрыли пушку. Заряжающий схватился за руку. Мила побежала туда. Осколок торчал чуть выше локтя. И хотя никогда ей делать этого не приходилось, она точным коротким рывком выдернула его. Парень охнул и совсем спокойно сказал:

— Не бросай, дай мне.

Она сунула ему кусочек металла и быстро забинтовала руку.

Теперь снаряды рвались часто. Мила оглянулась и увидела в воздухе множество маленьких серых облачков. Таких легких, даже не верилось, что именно они сеют смерть. Потом рвануло совсем близко, на них полетели комья земли.

— В окоп! — крикнул ей старший лейтенант, командовавший огнем.

Слева донеслось: «Санитара!» И она, пригибаясь, побежала туда. Раненый сидел, привалившись к стенке окопчика. Миле показалось, что он мертв. Но его сосед приказал: «Перевязывай! Живой он». Рана была у лопатки. Она долго стаскивала гимнастерку, бинтовала, а кровь все сочилась.

— Точно бьет, гад! — ругался солдат.

Мила выглянула и увидела, что танки приблизились, но не двигаются.

— А почему они встали?

— А на хрена им себя подставлять! Автоматчиков у них почему-то нету. А-то бы нам крышка! Наверное, проселком идут. Вперед нас войдут в город, и мы в окружении.

Улучив момент, Мила перебралась в свой окопчик.

— Боятся, гады, подходить, — цедил летчик. И тут один танк рванулся вперед и стал быстро приближаться. Он шел прямо на их пушку, но вдруг дернулся и завертелся, от башни повалил черный дым.

— Горит! — закричали вокруг.

— Старшой убить!

Мила и летчик мгновенно оказались у пушки. Старший лейтенант лежал на спине со снесенным черепом. Исковерканная пушка валялась на боку. Сержант, по щеке которого текла кровь, показал на привалившегося к нему солдата. Лицо у него было белое, рука безвольно висела.

— Сейчас, дорогой, сейчас, — приговаривала Мила, пытаясь обмотать перебитую руку. Она не заметила, как стало почти тихо. Только когда подбежавшая Шура ловко перехватила бинт, перевела дух.

— Сейчас отходить будем, немцы прорвались к городу! Помогите легчику старшего оттащить к шоссе! — приказала Шура.

— Сережи еще нет, как же отходить?

— Иди! — закричала Шура.

Они положили убитого у края шоссе. Уцелевшие пушки цеплялись к машинам. В этот момент, завывая, из-за подъема показалась полоторка. Машина странно виляла из стороны в сторону. Смолкли и насторожились солдаты.

Не доехав, машина остановилась. Переднее стекло было разбито. Из кабины выскочил Ленька. Все напряглось в ней.

— Сережа, где Сережа? Ленечка! — с отчаяньем выдохнула Мила. — Где Сережа?

— Сережа в кузове, — глядя мимо, ответил Ленька. И по тому, как он сказал «Сережа», а не обычное «Сережка», она поняла: случилось что-то ужасное.

Задний борт был откинут. Сергей лежал на спине, голова поникла набок. Мила закрыла лицо руками, шарахнулась от машины, ей казалось, что достаточно убежать от этого страшного места, и кошмар сгинет, исчезнет, пропадет! Но ноги у нее подкосились, и она упала. Она лежала ничком, словно расплющенная, хотелось выть. Но она только тянула: «А-а-а...»

— Я доложить! — крикнул Ленька подбежавшему Николаю.

Колька нагнулся к Миле.

— Милочка! Милка! Вставай, сейчас тут будут немцы. Танки идут по шоссе!

Она приподнялась на колени и запавшими глазами посмотрела на него.

— Это я его послала, это я! Как они вырвались у меня, эти проклятые слова!

— Замолчи! Замолчи! А ты что, могла бы иначе? Могла бы?! — Николай тряс ее за плечи.— Если бы не ты, я бы позвал Сергея. Ты просто меня опередила, и он все равно бы Леньку одного не отпустил! Иначе быть не могло! Не казись, не казись... Вставай, пойдем к нему! — Николай погладил ее посеревшие щеки.

— К нему! — Эти слова прозвучали для нее так, словно он жив. Отчаянная надежда подняла ее, и она бросилась к полуторке.— Да, увезти, увезти! — бормотала она.

В машине уже сидели раненые, лежал убитый комбат. Она опустила на колени и стала быстро-быстро ощупывать Сергея, надеясь найти рану. На виске была маленькая дырочка. Она невольно зажала ее пальцем.

В том, что он лежал мертвый, была такая несправедливость, такая жестокость! Ей казалось, так быть не может. Как заклинание, она твердила: «Я люблю тебя, я люблю тебя!» Всегда, как бы он ни был обижен, стоило ей сказать эти три слова, в глазах его вспыхивала радость.

Машина тронулась. Голова Сергея дрогнула, ей показалось, что он зашевелился.

— Сереженька! Ну посмотри на меня! — взмолилась она и сама открыла ему глаза. В них был только цвет — золотисто-коричневый. Глаза были пусты, мертвы. Мила неловким движением закрыла мужу веки, обняла его голову, и все окружающее померкло.

Колонна мчалась по шоссе в город. А параллельно, по проселочной дороге, скрывшейся за лесом, двигались немецкие танки. Они вошли в город почти одновременно. Рев танков слышался на соседней улице.

Город был застигнут врасплох. Бежали люди. Из распахнутых дверей кинотеатра с яркой афишей «Антон Иванович сердится»

выходила толпа, не подозревая, как все изменилось за эти полтора часа. На рельсах стояли брошенные трамваи, на небольшой привокзальной площади из-за узкого проезда под железнодорожным мостом образовалась пробка, взорванный вокзал дымился.

Появились два «мессера». «Воздух!» — пронеслось по площади. Мила не видела, не слышала, как из машины выпрыгивали солдаты, только когда над ней пронеслась тень и пули застучали по кабине, она еще ниже склонилась над мужем. Взглянув вверх, она увидела второй «мессер», он несся еще ниже. Она прижалась лицом к холодной щеке мужа и закрыла глаза.

Почти одновременно с разных концов колонны подбежали к машине Ленка и Николай. Мила лежала, прикрыв собой Сергея. Гимнастерка на ее спине была бурая, с дырами, словно по линейке.

Николай осторожно приподнял ее, перевернул.

— Милка, Милка, — сдавленно проговорил он, и неожиданно, как делал Сергей, провел ладонью по ее бровям. Она открыла глаза, в них затеплилась жизнь.

— Сереженька... — прошептала она.

— Все, — сказал Николай. — Все! — и закричал на Ленку: — Не стой столбом! Летит!

Ленка упал рядом, мотор взревел, в кузов прыгнули солдаты. Пробка рассосалась. Выскочив из-под моста, они понеслись по шоссе. Остановились километров через сорок. Опять была возвышенность, была опушка — удобная позиция.

Могилу вырыли на краю поляны. Расстелили плащ-палатку. Первым опустили старшего лейтенанта, потом Сергея, рядом положили Милу. Николаю и Ленке, уже насмотревшимся на убитых, видеть их двоих в могиле было невозможно, они, не стесняясь, плакали. Они похоронили последнее, что связывало их с прежней жизнью.

К ручке от лопаты прибили дощечку, написали на ней имена. Дали залп. Короткий осенний день кончался.

— Окопаться дотемна! — раздалась команда.

Николай и Леонид остались у могилы вдвоем. Колька плакал и страшно ругался.

В декабре того же сорок первого под Москвой был убит Леонид. Николай дошел до Восточной Пруссии и там сложил голову. Так и не увидели они больше улицу Горького, не прошли по ней в майских сумерках, не купили мороженое.

А память, растревоженная весенними сумерками, заставляет внимательней всматриваться во встречных прохожих: так хочется, чтоб мелькнуло знакомое лицо...

АСТРА

Наступил конец апреля.

С утра, в воскресенье, мы поехали навестить нашу дачную хозяйку. Узнать, как перезимовала, погулять, посидеть на лавочке с тем особым наслаждением, которое бывает только после зимы.

Ворота были закрыты: земля еще не просохла, машине заехать пока нельзя. Мы посигналили. Вскоре из-за террасы появилась хозяйка. Следом выскочила большая собака. Она подбежала к калитке, внимательно оглядела нас и гавкнула весьма внушительно. Это был черный как смоль пес с белой грудью и в белых «носочках». Удивительно красива была его морда с желтыми, как янтарь, глазами.

— Цыган, пошел! — с ударением на «ы» крикнула Елизавета.

Хозяйка открыла калитку, мы расцеловались.

— Бог дал, перезимовали,— сказала она. — Пойдемте на терраску, тут еще сыро.

Зимой она с сыном Евгением, невесткой и внуками жила в отличном рубленом доме с террасой. Летом семейство выезжало в сарай, в конце участка, что за «нашим» летним домиком. В избе поселялись постоянные дачники Ходуновы.

На террасе еще не было лета — не было занавесочек, появляющихся с приходом москвичей, но весна ощущалась и тут. Стояли выпачканные свежей землей лопаты, Женька выносил из горницы зимние рамы. В распахнутую дверь лилось солнечное тепло и волнующий запах оттаявшей, ожившей земли.

Мы выложили на стол, устланный газетой, кое-какую снедь и любимый Елизаветой «пользительный» кагор. Все уселись. Молодуха вынесла большую сковороду жареной картошки. Разлили по чашечкам багряное вино.

— Со свиданием, — сказал Женька.

Тут дверь на террасу распахнулась от толчка, появилась собака, плюхнулась на передние лапы, завильяла хвостом. Желтые, как янтарь, глаза весело уставились на нас.

— У-у, пошел! — крикнул Женька.

— Не гони ты его! Иди ко мне!

Морда у пса была умильная. Цыган подошел, стал лапами на колени и внимательно заглянул в глаза. Я погладила морду. Собака, честное слово, засмеялась. Уселась около и часто-часто забила хвостом по полу.

— Она, стерва, оценится скоро, — сердито сказала Лиза.

— Вот так Цыган! Тогда уж Цыганка?

— Черная — вот и Цыган. Говорят: те, которые ее бросили, кликали Астрой. Шут его знает, что за имя!

— Красивое имя!

— А-а, как ни кличь, теперь уж все равно. Женька скоро ее на окружную шоссе отвезет. На кой она нам со щенками, был бы кобель!

Поразительно. В любой деревне почти в каждом доме живут кобели. Их уважают и охотно держат. Вторая половина дворянского рода пребывает в малом количестве и почти в изгнании. Казалось бы, исчезнут дворяне. Но тем не менее полчища деревенских псов не оскудевают, а регулярно пополняются молодыми, резвыми кобельками.

Я попросила:

— Оставьте. Такая хорошая собака. Да и зачем же тогда брали?

— А кто ее брал? Прибегла и легла под воротами, гладкая, блестящая. Я гляжу: красивая, пушай, думаю, поживет. Зимой тут глухота. Одной тоскливо, как все уйдуть с утра. Гляну в окно, а она по двору бегаёт. Мне сразу весело делается. Всю зиму под терраской прожила, раза два только ее сюда пускала, когда уж больно холодно было.

— Вот видишь, какая собака, тебя же веселила, а ты отвезти хочешь.

— Ну ее, оценится, корми тогда их всех. А собака сама себя должна кормить и греть, на то она и собака.

Астра сидела и будто слушала: черная, блестящая, грациозная головка, ушки торчком.

— Ты прямо пантера Багира! — сказал муж.

— Астра! — Она резко повернула голову. Получив и слопав колбасу, положила морду мне на колени.

— Уж ласковая-то, ласковая, — пропела Лизавета. — В это время вышли Женькины дети — маленькая Ната и десятилетний Шурик, стали спускаться на улицу. Астра тут же последовала за ними. — Во какая! — Ткнула пальцем Лиза. — Нипочем одних с участка не отпустить, куды они, туды и она.

Мы посидели еще, напились чаю. Собрались уезжать. Дети и собака не появлялись. Я стала просить не увозить Астру.

— Скоро мы приедем, Ходуновы — будет кому кормить. Может, она и не оценится...

— Не оценится — ее счастье будет. Пока пускай живет, — заключила хозяйка.

В последнее воскресенье мая мы переехали на дачу. На участке царил суматоха. Суетились Ходуновы, в свою летнюю «резиденцию» перетаскивались хозяева.

Астра на нас залаяла. Но, узнав, подбежала поздороваться. Потом сидела в сторонке и, крутя головой, внимательно следила за происходящим. Раза два сбежала за Лизаветой посмотреть, куда это она таскает вещи. И, как видно, поняла. Едва все утряслось, Астра направилась прямо к хозяйкиной «вилле».

Ходуновы высказали беспокойство: «Будет лаять по ночам, спать не даст». Но в первую же ночь мы убедились — Астра попусту не брешет, как соседские псы, за компанию. Лаяла она только по делу — прогоняла любителей сирени, что пышно росла у нашего забора. Она неслась, топоча, как лошадь, вид ее был грозен. Воришки моментально ретировались. Астра тут же останавливалась, замолкала, спокойно поворачивала назад.

Это была молодая собака. Свою первую зиму она провела по суровой Елизаветиной теории: «Собака сама себя кормить и греть». И сумела выжить. Гуляя, мы заметили властный характер нашей Астры. На то, что она считала своим, не терпела ничьих посягательств. Едва деревенские кобели появлялись в парке, напротив дома, Астра неслась за ними. Кобели улепетывали во все тяжкие до места, где считали себя в безопасности. Видимо, там Астра определила границы своих владений. Наверное, зимой тут она охотилась на какую-то мелкую живность и кормилась, претворяя теорию Лизаветы в жизнь. Изгнав посягателя, она возвращалась и опять шла рядом. Нас Астра, по-видимому, тоже решила опекать. Теперь со своего двора Астра провожала детей, хозяйку и нас. Но если одновременно уходили и Ната с Шуриком, Астра без колебаний следовала за ними. Дети относились к собаке точно так же, как мать, отец и бабушка. Они властно покрякивали на нее и никогда не гладили. Астра часами терпеливо лежала в сторонке, следя за их игрой, и домой возвращалась только с ними.

Хозяйка выходила редко. В основном в «церковь». Наряжалась и шествовала. Астра плелась сзади с виноватым видом — хозяйка терпеть не могла ее сопровождений. Лизавета махала хвостом, ругалась, но ничего не помогало. Так, ссорясь, они проделывали весь путь. Убедившись, что ее повелительница вошла в церковь, Астра возвращалась. К нам она привязалась, наверное, за ласку, за еду. Поначалу принимала подношения, я бы сказала, с удивлением, деликатно, сидя у дверей, не требуя, не прося. Как-то решилась войти и сунула было к нам голову. Но тут из своего угла скандально заорала наша птица — скворчиха Манька. Она считала террасу своей и вообще была коммунальной склочницей: кто бы ни пришел, безобразно кричала. Нас она терпела, но если собиралась спать, а мы зажигали свет, ругалась на чем свет стоит. Услышав эти вопли, Астра замерла, изредка подергивая ушами, как от назойливой мухи. Потом, шумно вздохнув, отступила. Манька, издав клич вроде «то-то же», затихла.

Однажды Астра переселилась спать к нашему порогу: оказался, ребяташки уехали вместе с матерью в отпуск.

Вода потеплела, и по утрам муж ходил купаться. Дмитрий открывал дверь, а там уже, ожидая, стояла Астра. Они отпраздничали на берег. Астра боялась воды. Ничто не могло заставить ее войти в воду. Когда Дима отплывал довольно далеко, она начинала бегать

вдоль берега, тревожно насторожив уши. Дождавшись возвращения, радостно, с грациозностью молодой телки, прыгала и резвилась. Домой она бежала впереди, весело махая хвостом.

Муж уезжал. Я садилась работать. Астра дремала у порога или лежала на ступеньке, уважая скворчихины претензии на территориальные владения.

Странное ощущение иногда охватывало меня, когда Астра, положив голову на вытянутые лапы, время от времени пристально поглядывала на меня. В такие моменты казалось, что она не только чувствует настроение, а ей еще каким-то образом передаются мои мысли. Если я нервничала или не ладилась работа, Астра подходила и ласкалась. Я разговаривала с собакой, и мне становилось легче.

— А, к черту все, пойдем гулять.

Морда Астры начинала улыбаться, она колотила хвостом довольно и нетерпеливо. Ходила Астра за мной, как привязанная, настолько, что это даже приняло драматический оборот.

В деревнях, как известно, существуют укромные уголки. Наш уголок был в самом конце участка на пригорке, открытый всем ветрам и взглядам.

Астра решила, что это тоже путь, и стала провожать, уж ладно бы провожать, поджидая, она укладывалась на пригорке и с высоты обозревала участок. В данной ситуации ее общество было обременительным.

В то воскресное утро она вновь пошла за мной. Я почувствовала единение с Лизой — это надо прекратить.

— Иди-ка назад! Вернись, говорю!

Собака села. Я сделала шаг, она другой.

— Боже,— сказала я и, сломав прутик, взмахнула у нее перед носом. Астра посмотрела с укоризной, но не тронулась с места.

— Черт побери! Тебя не переспоришь!

Все это, оказывается, наблюдал Ходунов.

— Ну что ты, лапочка, стоишь и мучаешь собачку, иди куда шла! — во всю глотку заорал он, похохатывая. Володька в плавках сидел на ступеньках, расчесывая свою серебряную шевелюру.

— Не кричи ты так! — взмолилась я.

— Мама,— еще громче заорал он,— иди сюда, посмотри на эту интеллигентку. Она не хочет в сортир (он програссировал это слово) в сопровождении собачки!

Вышла Мария Павловна, полная, улыбчивая дама.

— Дурак ты старый, Вовка! — огрызнулась я.

— Ну что вы, голубушка, негодуете. Лежит там собака, значит, занято. Нам всем очень удобно! — тонким голоском прокричал старший Ходунов — сухой старикан в шортах.

Через забор подавали реплики соседи. Все мои высыпали и тоже хохотали.

Астра невозмутимо сидела у ног. Одна Лизавета посочувствовала:
— Вот и меня так, под конвоем, стерва, в церкву водить!

В нашем землячестве Астра прочно заняла свое место, и с этим приходилось считаться.

— Оцениться она, ох, оцениться, — говорила Лизавета. — Отвезть ее надо.

И слова «окружная шоссе» опять угрозой повисли в воздухе.

Я нервничала и боялась, что Женька исполнит угрозу и отвезет собаку туда. Понимая, что Лизавета не ошибается, я кривила душой и убеждала: просто, мол, она растолстела на хороших харчах.

— Вон какая ненасытная. Жреть, жреть, и все мало, — ворчала хозяйка.

Кормили собаку мы, Ходуновы, соседи-дачники. По-видимому, после полуголодного существования начав есть, она теперь никак не могла насытиться. Если брюхо сыто, то глаз голоден. Ела, наверное, впрок, по закону своей суровой зимней жизни — «ешь, раз досталось».

А дни шли жаркие, с блеском воды, запахом сосен. С гостевыми воскресеньями, сутолочными, шумными. И вот однажды выпал тихий выходной. Приехали только наши молодые. Мы обедали. В дверях показалась Астра. Весело гавкнула, решительно вошла на террасу и улеглась, вытянув вперед лапы, гордо подняв голову. Тут непримиримо заорала Манька. Астра опустила голову на лапы и закрыла глаза. Манька просто надрывалась. Собака открыла глаза, села, шумно вдохнула и, развернувшись на сто восемьдесят градусов — хвостом к птице, — грузно плюхнулась и блаженно зажмурилась. Скворчиха издала захлебывающийся звук. Воистину у нее в зобу дыхание сперло. Мы хохотали так, что пришли Ходуновы выяснять причину.

— Астра, посторонись! — крикнула я. — Она встала, потянулась, издала утробный звук, похожий на отдаленный гудок парохода, и пошла в комнату досыпать. Запахи еды ее не волновали.

С тех пор Астра прочно поселилась у нас. Только спала под террасой. Но утром, едва мы открывали дверь, она врывалась вместе с солнцем в комнату, подбегала к раскладушке, становилась лапами на грудь и норовила лизнуть в лицо. Когда муж шел купаться, бегала с ним. Возвратившись, она, урча, потягивалась и, разлегишись на солнышке, дремала. Манька теперь только ворчала, больше для порядка.

Казалось бы, собака совсем прижилась. Но она совершенно не терпела закрытых дверей. Стоило закрыть дверь террасы, Астра тут же бросалась на нее передними лапами и распахивала. В сильный дождь мы пробовали закрывать дверь на крючок, тогда она начинала скулить и царапаться. Приходилось открывать, и Астра выскакивала в ливень и садилась под яблоней, где укрытие было весьма условное.

В одно прекрасное утро Астра не вылезла из-под террасы. Не выходила весь день и вечером не встретила Диму. Ночью мы услышали писк. Утром она опять не показалась. А днем вдруг ткнулась носом мне в спину, когда я стояла с Лизаветой.

— Астрочка! — погладила ее, а она заговорила, заговорила какими-то звуками и, высказав что-то свое, вновь метнулась под террасу.

— Ну и собака! — охнула хозяйка и перекрестилась.

Астра оценилась.

— Глядеть надо, сколько их там, — ворчала хозяйка.

— Топить щенков, — сказал Женька.

А три дня спустя на берег прибежала Володькина жена и говорит:

— Кутят достали из-под террасы. Три! Толстые!

Сердце екнуло — утопил?!

— Нет, нет, всех оставил, кричит: «Глядите, какие хомяки! Пусть живут!»

Мы скорей домой.

— А! Дед с бабкой! Идите внуков-то смотреть! — закричал Женька. — Во каких она щенков принесла! — Женька достал одного и сунул мне в руки.

Астра хотела отнять.

— Ну, не бойся, не обожу! — Я погладила кутенка толстого, как сарделька, и тоже с белой грудкой и в белых носочках.

Астра положила лапы мне на плечи и лизнула щеку. Потом уселась и не сводила глаз с сына.

А Женька был неузнаваем. Горд. «Вот-те и дворняга!»

Женька был во хмелю. Но ничего злобного сегодня в нем не проснулось. Эти толстые кряхтящие щенята, материнские волнения Астры пробудили в его душе радость появления новой жизни на земле. И на этой волне веселости, умиротворения Женьку вынесло на улицу, где по воскресеньям гуляли деревенские, и мы слышали, как он хвастался кутятами Астры.

Лиза стояла, сложив руки на толстом животе, издали с улыбкой наблюдая за Женькой. Сколько она ни ворчала, ни гудела, а по всему было видно — радовалась, что сын ее кутят не утопил.

— Он у меня душевный сызмальства, — объясняла она. — Вот только испился весь.

К нам поглядеть на щенков приходили соседи-дачники, деревенские ребятишки. И все улыбались.

Дней десять Астра только выходила поесть, поластиться — и убегала. Но вот однажды мы открыли дверь, и вместе с солнцем ворвалась Астра, подскочила к раскладушке, лизнула в щеку, потянулась со своим «пароходным» гудком и улеглась. Муж пошел купаться, смотрю, и она побежала. Но только проводила, ждать не стала...

Щенки подросли и стали появляться у нас на террасе вместе с матерью.

— Вот,— сказал Женька,— этого кобеля оставлю, этих отдам, а ее на окружающую.

— Нет, не отвезешь. Мы решили — возьмем ее в Москву.

— Реши-ли-и...— с издевкой пропел Женька.— Да куда же ты ее возьмешь, что это, комнатная собачка, что ли? Ты погляди, погляди!!!

В тот вечер мы с Димой долго гуляли по парку. Астра, как всегда, шла рядом. Показался соседний пес, но, увидев Астру, остановился. Она лениво сделала несколько шагов навстречу. Пес попятился, но не ушел. Тут Астра с места взяла галоп. Как он улепетывал!

— Да-а... Эта не потерпит над собою верха. Собаки разные бывают. Есть обыкновенные — едят, брешут, одним словом, «шавки», и есть умные, сильные, с характером — личности. Как такую на поводке водить и запирают одну в нашей малогабаритной? Ты знаешь, что я думаю: эта собака сама решает, как ей быть.

— Но ведь ее отвезти хотят!

— Не думаю все-таки, что до этого дойдет... Ведь они по-своему к ней привязаны. Нет, нет,— поболтают да перестанут.

Я погладила Астру по спине и сквозь шерсть почувствовала ее сильные налитые мускулы.

...Двух щенят забрали, и по двору бегал выбранный Женькой кобелек, тот, что должен остаться, изгнав мать свою. А собаки жили беззаботно. Мать, как и полагается, ревностно оберегала дитя, а щенков неотступно следовал за ней.

И вот однажды мы услышали отрывистое: «Берите ее к шутам!»

Я выглянула в окно и вижу: стоят двое каких-то здоровых парней, а у их ног, в пыли, на веревке, лежит тихая и покорная Астра.

— Господи! Что это, наша Астра чужих никогда не пускала, а тут с петлей на шею лежит! Почему поддалась, не лаяла?

Мы выскочили во двор:

— Женька, в чем дело?

— Она, стерва, у них закус сожрала!

— Куда вы ее?

— Вешать. Мы культурно отдохнуть приехали. А вы тут собак пораспускали! Да и собака-то не ваша, чего орете? Вон хозяин!

«Так вот в чем дело,— полоснула мысль,— подчинилась неизбежности — воле хозяина!»

Те двое смотрели нагло, уверенные в своей силе, своем праве на это убийство. Откуда такая жестокость, душевная пустота, убежденность в безнаказанности? Сколько же гадостей могут натворить такие скудоумные!

— Выродки! — сказал муж.

— Из таких подонков в войну полицаи были! — сказал Володька и шагнул вперед, зажав побелевшими пальцами костыль.

Женька, как подхлестнутый, рванулся, перерезал веревку и закричал:

— А ну, вали отсюда, дерьмо!

Взвизываясь, свирепо, бешено залаяла Астра. Двое шли к калитке, а Женька страшно ругался вслед.

В саду поспела грушовка. Теперь Лизавета ходила не только в церковь. Она набирала ведра два яблок, ставила их в старую детскую коляску, туда же клала безмен и, сопровождаемая Астрой, отправлялась торговать в дом отдыха. Астру в эти экспедиции она брала охотно.

— Ноне мы хорошо торговали, — она так и говорила — «мы», докладывая по возвращении: — Ох, и умная собака, все знает. Вперед меня забежит в ворота, отдыхающие кричать: «Астра прибежала — яблоки будут!», — и дружка за дружкой на лавочке посядут, в очередь, значить. Астра меня ждет. Я коляску к ней подкатываю и спокойна: кто захочет взять яблок попробовать или наперед всех купить, она не даст, рыкнет так серьезно, но чтоб укусить, — ни боже мой! Только за порядком поглядывает!

Лето кончилось. Мы уезжали.

— Жень, ну, забираем Астру?

— Ты что, — встрепенулся, — без нее двор как без души будет.

— Ладно, ладно, не тронем мы ее, — пообещала Лиза.

Я долго гладила Астру, сев в машину, опять позвала. Она стала на задние лапы, всунула голову в окошко и лизнула щеку. А потом выбежала на дорогу, и до самого поворота мы видели ее в зеркальце: она стояла и смотрела вслед.

Нехорошо стало на душе: «Обманет, обманет Женька, отвезет ее на окружное шоссе».

В Москве мы не разговаривали об Астре. В ноябрьские праздники, когда чуть отпустила будничная суета и спешка, которая делает нас зачумленными, решили: поедем и заберем Астру.

Из-под террасы выскочил с твяканьем щенок. Астры нет и нет. Хочу спросить, где она, — и боюсь.

Наконец Димка крикнул: «Астра, Астра!»

— Нету ей, — отрубил Лизавета.

Мимо прошел Евгений, не повернув головы, буркнул: «Здравствуй-те!»

Я охнула: «Женька отвез-таки на окружное!»

Мы стояли. Кругом был серый-серый двор. Из тяжелых туч падал мокрый снег, лепил в лицо.

— Что же теперича — и в дом не взойдете? — сказала хозяйка.

Мы поднялись. Лизавета стала разводить самовар. Потом как грохнет трубой об пол:

— Чего злитесь, чего? Ну, куды нам две собаки! Она вон опять гулять стала!

— Причем здесь вы, сами виноваты. Предали, предали мы собаку! — И оттого, что наконец я вслух сказала то, что мучало все это время, разрыдалась.

Вдруг ввалился Женька:

— Злисси! Я вон кобелька оставил, весь в нее! Волчок кличка!

— Иди ты со своим кобельком, видеть его не могу, не нужен он мне!

— Дура, нешто Астра в городе выжила бы, это ж деревенская собака!

— Да, ладно, все мы сволочи, — сказала я.

Женька стукнул кулаком по столу:

— Ездил я туда третьего дня, часов пять мотался, не нашел! Нету ее там. — Он, пьяно покачиваясь, ушел.

Об Астре в тот вечер мы больше не говорили. Понятия о добре и зле извечны. И невозможно найти компромисс со своею совестью.

На следующий год вновь, как повелось, мы поехали к Лизавете. У крыльца нас встретил пес. Такой же, как Астра, только еще крупней и с пушистой шерстью.

— Ого! — сказал муж. — Ты уж не Волчок, а целый волк!

— Ну, здравствуй, Волк, сын Астры! — Я погладила его крупную голову. Сердце защемило.

— И его полюбишь! — изрекла Лизавета.

— Нет. Только потому, что он сын Астры, я с ним поздоровалась!

Но все повторилось сначала. Волк привык к нам, и мы полюбили его. И он так же сопровождал нас на прогулки и сторожил у воды. Пересилил скворчиху Маньку и водворился на террасе. Завоевал расположение дачников. Но когда кто-либо хотел сделать ему комплимент, говорил: «Волк весь в мать, весь в Астру!»

Астру не забыл никто. К осени хозяйка опять вспомнила свою теорию: «Собака сама себя кормить и греть». А соседи говорили, что если он из-за этой ее теории будет кур у них воровать, то они его уничтожат.

— Ну, нет, — решили мы, — больше такого не повторится.

...Пришел сентябрь. Мы грузили вещи. Волк крутился вокруг.

— Заберем мы его, — сказала я.

— Ну, коли пойдет, берите, — ответила Лизавета.

— Ну, не пойдет, он нас любит!

— Любить, а вот пойдет ли — поглядим. Он хозяина должен знать, на то это и собака.

Мы уселись в машину. Волк подбежал, лизал нам щеки.

— Ну иди, иди сюда! — Сколько мы ни звали, ни тащили, в машину он так и не пошел. И до поворота мы видели, как он сидел у ног Лизаветы, подняв уши.

САША В ЧЕСТЬ САНИ...

Ну и денек же сегодня выдался! С утра с замом поругалась, потом отчет не ладился. Пошла заказ получать, а там уж пол-института в очередь выстроилось. Вернулась. И угораздило же войти именно в тот момент, когда уважаемые ученые дамы примеряли какие-то сарафанчики на бретельках. Пришлось сделать выговор. Подъехала к дому, поставила машину на стоянку, пока шла к подъезду, у одной сумки ручка оторвалась. Иду, а на лавочке всегдашние кумушки, слышу, говорят:

— За рулем сидит, вся из себя! А вылезет из машины — такой же верблюд, как и мы. Сумки прет, сейчас побежит мусор выносить. Баба она и есть баба, хоть и ученая.

Спасибо, хоть пожалели. А в квартире у дочери, как всегда, гости. Задушевная подруга Кира и Виталий с Андреем. Если моя Сашка и Кира, как говорится, одного поля ягоды, то эти два просто антиподы. Виталий красавец, говорит небрежно, чуть растягивая слова, он словно купается в своей неотразимости. Ему, как и Саше, тридцать лет и до сих пор не женат. Все выбирает, все приглядывается. Когда в комнате дочери выключают магнитофон и заводят свои нескончаемые споры об «абсолюте», о великой культуре Индии, Виталий появляется у меня с бокалами коктейля. Он протягивает мне один из них и с усмешкой мужика, привыкшего к успеху у женщин, произносит:

— Ну, как поживает наш очаровательный завлаб? — И целует мою руку. Меня это бесит, коробит, но вместе с тем приятно. Я не могу не поддаться его нагловатому обаянию. Прежде всего от него ничем не пахнет, и это прекрасно. Теперь иные мужчины совсем спятили на французской косметике. Накупают всю эту туалетную воду и обливаются так, что от них разит, как из дверей парикмахерской.

Виталий всегда чувствует, что сей момент в его власти. И как-то особо небрежно, но именно настолько, насколько надо, разваливается в кресле.

— Опять кандидатскую очередному птенчику помогаете делать? Бросьте вы это к черту! Пусть сам карабкается. Вот я сам всего добился!

Да, думаю, сам! Приходил вот так, ухмылялся, гарцевал, и бедные бабенки из кожи вон лезли. Я смотрю в его умно-насмешливые глаза и пробкой выскакиваю из своего бабьего плена.

— Виталий, — говорю, — хватит вам по рукам ходить. Почему вы на Кире не женитесь? Смотрите, скоро лысеть, грузнеть начнете, и ваши акции сильно понизятся. Останетесь в девках!

— Кирочка — прелесть. Но уж очень трезво умна. С такой жить трудно. — И пропел: «Ему б чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил».

— Что же, вам дура нужна?

— Ну нет. С душой долго не протянешь, сбесишься. Я же сказал, чуть-чуть попроще. Чтоб готовила, дом блюла и «остепененная» чтобы была! Слышите? Вон Кируша про «абсолют» все вроде понимает, а нас, мужиков, нет. Вы читали Бредбери «Вино из одуванчиков»? Я вот читал и о вас думал.

— Читала. Но это не про нас.

Виталий, как всегда, четко понял: «наш» момент какого-то контакта, не определяемого точным словом, прошел. И он деловито спрашивает:

— Как «жигуленок»? Моя помощь не требуется?

Он частенько выручает меня, что-то там подтягивает, подвинчивает. Потом говорит: «С тебя бутылка, хозяйка, наработал я тебе честно». И становится простым и милым. В работе он действительно честен и, как говорят теперь, сечет. Виталий уходит, я смотрю на его роскошную спину и думаю: все вроде в тебе ладно. Но вот нет чего-то в глазах. Рядом с таким не согреешься, не почувствуешь себя за спиной. Я-то в свои годы понимаю, а молоденькие не чувят и льнут! А Кира? Похоже, в свои тридцать понимает. Когда, говорит, он по улице идет, за ним надо пускать бабуборочную машину, так и падают! Замуж за него нельзя, скрутит в бараний рог, себя позабудешь.

По поводу замужества у нее своя теория: вот если взять восемь миллионов наперстков, расставить их по Садовому кольцу и пустить над ними воробья. Надо, чтобы он капнул именно в твой наперсток! Это равносильно тому, как найти свою половину. Шансов практически нет! Виталий не из моего наперстка! «Вот тебе и «мужиков не знает!» Получается — знает. Но не слишком ли они теперь уж все высчитывают, словно сами ЭВМ? Вот и моя Сашка со счетчиком в голове. Андрюша такой славный, милый. Но немного нескладеха, не спортивен, как Виталий. Ни сесть, ни встать толком не может. Но зато как он смотрит на Сашу! А она это не ценит! Сколько живу, только у одного и видела такие глаза. Да за такой взгляд хоть на край света! А Сашкин счетчик крутится совсем в другую сторону. Она мне объясняет:

— Недотепа он. Неперспективный! Понимаешь, неперспективный! — еще раз с нажимом произносит дочка. — Его на старшего научного выдвигали, а он сам пошел к завлабу и отдал место какому-то Леньке! У того, видите ли, трое детей! Скажи, какой Дон-Кихот!

— Значит, он глубоко порядочный человек! Он озарен внутренним светом!

— Порядочный, светом, — раздражается дочь. — У тебя в лаборатории что, все неупорядочные? Ведь никто такого не отмочил! А у нас в поликлинике? Все только и ждут, как бы участок получше получить,

без этих пятиэтажек, карабкайся там без лифта! Только зевни — выпрут с места, как миленькую!

Я замолкаю. У меня в лаборатории действительно, пожалуй, таких нет, чтоб свое место другому отдали. А так смотреть — все приятные, вальжные. Собираются на «кайф», как они это называют. Приглашают меня. Раза два ходила я. Было с ними весело, интересно. От них веет благополучием, но каким-то легким, словно им преподнесли его в красивой упаковке, осталось только развернуть. Как-то Костя, наш МНС, и заявил: «Мне папашка на «Жигули» отслонявил — покупаю!» «Папашка» у него маляр, и «отслонявить» может. Слово-то какое противное, но очень выразительное. Так и видишь, сидит человек и, поплеывая на пальцы, сотни отсчитывает. Жаргон у них удивительно меткий, но циничный какой-то.

Обычно наши разговоры с дочерью кончаются ничем. Я теряюсь. Но сегодня ребята ушли довольно рано. Мы мыли посуду в кухне вдвоем. И вдруг Саша сказала: «Мамуль, давай посидим, поьем кофейку, слава богу, завтра не вставать рано».

«Мамуль» — такое редко бывает! Мы садимся за стол, я смотрю на дочь: она красива, что-то в ней от меня, что-то от отца, а все вместе получилось хорошо. Сердечко защемило нежностью, и неожиданно для себя я сказала:

— Хочешь, расскажу, почему я назвала тебя Александрой?

— Почему, мамуль? — И в глазах интерес, как у маленькой.

— Ты же знаешь, в конце войны, совсем девчонкой, я работала санитаркой в госпитале. И положили к нам в палату парнишку со смертельным ранением в живот. Всем это было понятно. Лежит, сам невзрачный, да еще ранение тяжелое — тает. Подойду к нему, бывало, все сделаю, что надо, но, в общем, особенно на него не глядела. Молодая была, жалости еще к людям не было. Рядом с ним лежал Степаныч — так его все звали. Вот как-то раз подходит он ко мне в коридоре и говорит: «Анечка, ты бы с Саней поласковой была. Умирает ведь парнишка. Заметь, как он на тебя глядит, небось, ведь и не любил еще. Ты хоть сама молоденькая, но все-таки по-женски пожалей его. Поцелуй так, вроде бы как сестра». Он отошел, а я стою и вдруг все поняла. Господи! Такой молодой умирает! Степаныч сделал меня своими словами сразу старше на много лет.

Утром пришла я в палату умывать Саню. И впервые внимательно посмотрела на него. Если б ты знала, Сашенька, какой я встретила взгляд! Такой нежный, сияющий, у меня даже таз в руках задрожал. А Степаныч моргает: приласкай, мол. Умыла я Саню, вытерла лицо и говорю: «Молодец ты у нас сегодня, Сашок! Сегодня совсем хороший!» — нагнулась и поцеловала в щеку. А у него глаза, полные слез! Вот так три дня каждое утро я умывала его, целовала, а он все синел и синел, таял и таял, а в глазах любовь! На третью ночь он умер, не в мое дежурство. Утром вошла в палату, а его нет. Так мне было его

жаль, я так плакала, вспомню его взгляд — и в груди больно. С тех пор никто на меня так не смотрел. Вот поэтому ты и Александра. В благодарность за его сияющие глаза.

У Саши в глазах слезы. Я вижу. Но она говорит:

— Романтичная ты у меня! — Помолчала и спрашивает: — А мой отец какой был? Почему ты не хочешь ничего о нем рассказывать?

То, о чем я молчала все эти годы, сегодня вдруг легко и просто само по себе сказалось:

— Отец твой был вариант Виталия. Я влюбилась в него в девятнадцать лет безоглядно.

— Ты была с ним хоть сколько-то счастлива?

— Я не ходила, а парила над землей, не рассуждала, не взвешивала, сверкала, искрилась, мне даже в голову не приходило, что я одна вот так слепо счастлива. А потом, через много лет, поняла, что по-настоящему счастлива с ним была только один день. В тот день он, наверное, любил меня так же, как я его. Лето было жаркое. Мы поехали к моей маме в Быково. Он задержался на станции купить папиросы. А я побежала вперед, набрала в сенях в рот воды и жду. Только он вошел, я как прысну на него! «Ах, ты так!» Он схватил ковш с водой — и за мной! Мы бегали вокруг дома, подкарауливали друг дружку, кто кого больше обольет! В конце концов он окатил меня прямо из ведра! А потом схватил в охапку и стал осыпать поцелуями, как никогда. Из наших мокрых вещей мы соорудили два чучела, поставили рядом и хохотали, глядя, как они от ветра то обнимаются, то дерутся. В ту ночь ты и зародилась. А когда я сказала, что у нас кто-то будет, надо расписаться, он заявил, что жениться ему рано и ребенка он не хочет.

— Да,— вздохнув, произносит Саша.— А я чувствую, что мне спокойно и хорошо. Нету, нету никакой боли. Ушла. И, наверное, давно, просто я перестала вспоминать прошлое.

— Сашенька,— говорю,— для нас это все не имеет никакого значения, совершенно! Давай ляжем сегодня вместе и поболтаем еще.

Мы ложимся рядом, закуриваем на ночь по сигаретке, и я в который раз толкую про Андрюшу, про то, как он ее любит, и про то, как он смотрит на нее.

— Ладно, ма,— бурчит она сонно,— я подумаю.

Мы гасим свет, я прижимаюсь к Сашкиному плечу и засыпаю счастливая.

На следующее утро позвонил Андрей. Я слышала, как Саша зло сказала:

— Ну, конечно, ты всегда козел отпущения. — и хлопнула трубку. И мне раздраженно: — Вот, пожалуйста, твой ясноглазый любимчик в своем репертуаре. Ленька на дачу переезжает, а он, видите ли, должен помогать вещи грузить. А у нас билет в концерт на заграничную диву! Ну что ему, больше всех надо?

Я разозлилась.

— По-твоему, я тебе — ты мне! Взаимоотношения только на этом уровне!

— Господи! Мать, идеалистка ты! Теперь все так живут!

— Ложь, ложь! — крикнула я. Завтракали молча. К вечеру Саша пришла ко мне, обняла.

— Ну ладно, ма! Ты у меня еще молодая и красивая, но отсталая! Пойдем я тебя просвещу, посмотрим на импортную певицу.

Дива вышла в высоченных сапогах и вроде бы в купальнике, только с блестками. Ведущий сказал: «Наша гостья весь вечер будет петь вам о любви». Мы захлопали. «Спасибо большое» — улыбнулась красавица.

— Почти голая, но, слава богу, хоть вежливая! — прошептала я. Шурка фыркнула.

Гостья кричала на нас весь вечер под грохот и завывания ее ансамбля. Молодым нравилось. И Саше.

За чаем доченька спросила:

— Ну, как тебе?

— Чего ж так орать-то благим матом про любовь?

— Ну да, тебе нужна «Темная ночь»? Мамочка моя! Ну как можно дожить до твоих лет и остаться такой наивной! — И снисходительно погладила меня по голове.

Полночи я не спала, все думала: я ее, что ли, упустила? Проморгала, прошляпила девуку! Кто-то, видимо, ее здорово обжег! Но когда? Когда? Неужели ласковое теля Митенька? Она тогда на мой вопрос, куда это он запропастился, ответила: «Дерьмо он такое же, как все». А я не вникла. Докторскую защищала и защитилась. А расплатилась дочерью! Невыносимо! А Кира? Или они теперь все такие? Мы были другими, а мой «Виталий»? Не знаю, не знаю...

С понеделника покатила новая неделя. Вечером я пришла раньше дочери и успела приготовить ужин. Саша пришла усталая и раздраженная. Мы сели за стол.

— Мам,— усмехнулась она,— хочешь расскажу, что я сегодня слышала?

— Давай.

— Так вот, входит ко мне старичок. Садитесь, приглашаю. Что случилось? Что болит?

— Да вы, доктор, не записывайте. Я не на прием пришел, я посоветоваться. Что мне делать, если жена умрет!

— Она что, плохо себя чувствует? Заболела?

— Нет,— говорит,— еще по магазинам бегаёт. Вот и сейчас за молоком пошла, а я к вам разузнать, как действовать в случае ее смерти.

— Ну, я рассказала ему, куда обращаться, куда звонить. А сама

думаю: может, ты, старый черт, раньше ее помрешь! Вот, мамочка, а ты «глаза, любовь», небось, он на нее тоже так смотрел!

Дальше мы едим молча. Я жую и думаю: может, Кира-то и права со своими воробьями и наперстками? А я век прожила и так ничего и не поняла? Черта с два! Ведь вот есть Андрюша!

ВАС МНОГО...

Вскочила я с кровати, как от толчка. За окном была субботняя тишина. Что это я? И тут раздался резкий, требовательный звонок в дверь. Выскакиваю на лестничную площадку. И вижу: из всех квартир высыпали жильцы. Полуодетые, взлохмаченные, сбились в кучку на лестничной площадке, сонно моргают.

Резкий, властный голос вопрошал:

— Кто это сделал?

Маршем ниже, у лифта, рядом с мусоропроводом, стояла наша уборщица. Молодая, крепкая, в резиновых сапогах, перетянутая теплым платком крест-накрест, в яркой косынке.

— Я еще раз спрашиваю, кто это бросил? — И она указала перстом под мусоропровод на пустую коробку из-под торта.

Уборщица кричала на весь подъезд, что мы хулиганы, что мы вот дрыхнем, а она уже работает.

Мы стояли, как побитые, тихо и безропотно.

Вдруг на площадку выбежал соседский пудель Туз, доброе и ласковое создание.

— О! Триста рублей на четырех ногах бегаёт. Развели тут дрянь, а я убирай за ней! Пошел отсюда! — Она махнула тряпкой и выругалась.

Я не вытерпела:

— Как вам не стыдно! Разбудили всех в субботу, в шесть утра, из-за какого-то пустяка. Конечно, негоже тут коробки бросать, но уберем мы ее, уберем, только не кричите, пожалуйста. Кто вам дал право так неуважительно говорить с людьми?

Я хотела еще что-то сказать, но услышала шепот: «Молчите, молчите! А то она совсем убирать не будет».

«Благодетельница» пнула ногой коробку, рывкнула: «Убрать!» — вызвала лифт и отбыла. Наконец-то замолчала. Но ненадолго. Громыкнув где-то над нами дверью, уборщица взвизгнула:

— Это же не люди, это же свиньи живут на четвертом этаже!

Вот так. Осрамила! Профессионально скандалит. Со знанием дела. Мы расходились, не глядя друг на друга. Каждому просто стыдно было смотреть в глаза соседу...

Коробку забрала Ирина, кандидат технических наук. Забрала и сказала:

— По пути в магазин выброшу в мусорный ящик. Она здоровая: в мусоропровод не влезет.— И никакого самоунижения в этом Ирина не усмотрела. Она частенько наш коридор «промахивает» тряпкой на щетке, делает это ловко, быстро, приговаривая: «А то на улице грязно, в квартиры натащим».

Я вернулась к себе, снова улеглась, но спать, конечно, не могла. Надо же: словно вылили на меня ушат помоев, и пожаловаться некому. На душе было печально. А печаль — подруга размышлений.

И я думала: ведь были же раньше тети Нюры, тети Даши, они мыли «парадные подъезды» старых московских домов с достоинством. Были степенны, словоохотливы, приветливы, знали всех жильцов по имени-отчеству. И было чисто, и никто в шесть часов утра не барабанил в дверь. И все их уважали.

А сейчас... Откуда столько неуважения к своему же труду? Ведь ничего другого наша Варя, наверное, делать не умеет. Главное, что плохого-то? Работай хорошо, и все тебе будут благодарны. И заработок у уборщиц хороший. Не секрет, что все они работают по совместительству. Получается побольше, чем, скажем, у иного инженера. А ведь ценность человека, как известно, определяется не его заработком, но отдачей обществу. Видимо, некоторые работники сферы обслуживания об этом то ли не думают, то ли не знают.

Все мы, женщины, у себя дома уборщицы. А уборщица заменить, например, врача или токаря не сможет. И продавец не в состоянии заменить учителя. Однако все эти профессии равно необходимы. Только врачу почему-то не приходит в голову оскорблять пациента, а учителю — вымещать свое дурное настроение на учениках. Следовательно, любому надо думать не о том, кем ты работаешь, а о том, как ты работаешь. Ведь все, кто работает в сфере обслуживания, имеют дело с людьми, подчас не менее уставшими или озабоченными, чем они сами.

Но пока что люди, прибегающие к услугам этой сферы, то есть все мы, настолько привыкли к пренебрежительному, неуважительному тону в регистратуре поликлиники, в химчистке, в магазине, что стоит кому-то возмутиться, как тут же зашелестит: «Молчите, молчите, а то...» И мы молчим.

Был со мной такой случай. Получила я открытку на покупку ковра. Пришла в магазин и растерялась: выбор!.. Покупатели по двое переключивались с топчана на топчан ковры, открывая их один за другим во всей красе. Мы толпились вокруг и, как близкие, советовались, обсуждали, выбирали. А продавцы стояли, прислонившись к стенке, и время от времени покрикивали на нас: «Чего раздумываете по полчаса, не корову же покупаете!» Мы, конечно, молчали, а то еще не разрешат переключивать. Наконец, я выбрала

самый, по-моему, красивый. И тут, о чудо! Продавец сам отнес его на контроль. Бывает же такое! Горячо поблагодарив, я выскочила из магазина. Ну везет! Стоит такси. Молоденький шофер взвалил мою покупку на плечо и зашагал размашисто. Я затрусилась рядом. Вдруг парень повернулся ко мне:

— Бабка, зачем тебе ковер? Ты его продай, тебе за него двести «сверху» дадут!

— Да какая же я тебе бабка?!

— А что? Тебе, небось, уже лет сорок? — миролюбиво заметил шофер.

— А сколько же вам? — спросила я.

— Восемнадцать! — с уважительностью к себе сказал парень.

Я шла и хохотала.

— Ты чего, бабка, веселишься? Я тебе дело говорю, ты меня слушай.

Его безусое лицо было добродушно, глаза веселые...

Паренек внес ковер в квартиру, помог расстелить его на полу. Одобрительно крикнул, похвалил:

— Коверчик ты отхватила классный! Ну, потопчись на нем маленько! — И ушел.

Милый, славный мальчик! Что за ковер можно взять двести «сверху», это он уже знает. А что не следует обращаться к пассажиру на «ты» и напоминать о возрасте женщине — это ему неизвестно. Никто не сказал.

Сейчас он молод, беззлобен, его покровительственный тон забавен. Но ведь он будет взрослеть, а манера обращения с людьми останется прежней. И вызовет она тогда уже совсем другие ощущения.

Полудустой троллейбус. Старенькая женщина безуспешно пытается открыть дверь к водителю — силенок не хватает. Она стучит монетками по стеклу, но водитель глазом не ведет. Все молчат. Старушка кричит:

— Да откройте же дверь! У меня сил не хватает, мне восемьдесят три года!

Подбегает молодая женщина, с силой рванув, открывает дверь. Но тут троллейбус трогается, и водитель гаркает:

— Закройте дверь! Билеты продаю только на остановке.— Встает и захлопывает дверь.

И ничего мы поделать не можем. Он в «своем праве»: только на остановке.

Или бывает так: бежит человек, спешит к стоящему троллейбусу, наконец добежал, успел! Но не тут-то было! Как говорится, прямо перед носом водитель закрывает дверь и трогается. Обидно, унижительно. А другой в такой же ситуации подождет. Значит, можно быть просто добрым!

Недавно я была свидетельницей скандала, в котором хамство восторжествовало. Молодая женщина вежливо сказала продавщице: — Будьте любезны, не кладите мне три горбушки. Я же беру всего двести граммов сыра!

Продавщица посмотрела на нее с нехорошей усмешкой и крикнула:

— Валька! Завесь корки у этой дамы в каракуле (она нажала на это слово: не бедная, мол). Я ей за них заплачу!

Она вынула из кармана горсть мелочи и швырнула на прилавок перед покупательницей.

Осрамила! Прием тот же, знакомый. Женщина попыталась что-то сказать, но покупательница, стоящая за ней, угодливо поглядывая на продавцов, заторопила:

— Ладно уж, сколько там корок! Купите больше сыру! И не задерживайте людей.

Продавщица ухмылялась, а очередь молчала. Чего доброго, обидится, и им положит корки или, еще хуже, уйдет с криком на весь магазин: «Что мне теперь и в уборную нельзя ходить? Вас много, а я одна!» И все будут знать, куда она пошла, и терпеливо ждать. Святая простота нравов! Как теперь говорят, «ненавязчивый сервис». Это уж точно. Никто вам своего внимания не навяжет.

К слову сказать, встречаемся мы с подобным не в больших гастрономах или универсамах, там кадры подбирают разборчивей, в какой-то степени там работать легче и интересней, туда идут охотней. А вот в наших, «своих» микрорайонных магазинах, продовольственных, овощных, в химчистках, то есть там, где людей не хватает, тут всего наслушаешься.

Но представьте себе, как стала бы «качать права» такая Валя, если бы, скажем, в пик гриппа она сидела в очереди к врачу, а тот вышел бы и сказал: «Что мне — и в туалет нельзя? Вас много, а я один!» Так почему же позволяют это себе в магазине? Потому что чуть что, следует пресловутое «молчите, молчите, а то...» Что «а то»? Почему вежливость для одних обязательна, а для других нет?..

Правда, не всегда все так печально. Иногда бывает и весело.

Под вечер позвонили в дверь. Открываю. Стоят двое. Один в рыжей шапке, второй в серой кепке. Портвейном запахло, хоть закусывай.

— Мы с телефонной станции, — с французским прононсом произнес тот, что в шапке. — Разрешите войти?

Вошли.

Мастер в кепке достает смятый листок бумаги и говорит:

— Вадик, я сейчас все железно сверю!

— Сверх, Толик, — вальяжно согласился Вадик.

— Хозяйка, карандашник дадите?

Дала карандаш. Толик стал что-то карябать на листке. Вадик словно приклеился к дверному косяку. Вдруг, с трудом отлепившись

от двери, шагнул в комнату, шмякнул на стол свою рыжую шапку, открыл пианино и, тыча неверными пальцами, грохнул «Ромашки спрятались». Из передней пришел Толик. Вадик отбарабанил и, широко сияя, повернулся к нам.

— Класно сбацал! — восхитился Толик. Но Вадик смотрел на меня.

— Очень душевно, — сказала я.

Вадик счастливо закивал головой.

— Какой прекрасный звук! Немецкое? — хмельным баритоном пропрокотал Вадик.

— Нет. Наше, «Лирика».

— Что вы говорите! Бывает! — продолжал Вадик светскую беседу.

— Пойдем? — спросил Толик.

— Грядем, — согласился Вадик.

Схватил мою руку, промычал «м-мадам» и ткнулся носом, громко чмокнул.

— Карандашик подарите? — чеканя слова, осведомился Толик.

Ушли. Слава богу, подумала я. Представляете, что было бы, окажись Вадик в дурном расположении духа и пожелай все вокруг расколотить!

На следующее утро снова звонят. Открываю. Стоят Вадик и Толик. Лица синюшные. Несет перегаром.

— Мы с телефонной станции, — сипло, но не в нос сказал Вадик.

— Знаю. Вы вчера были.

— Не-ет, — протянул Толик, — вы что-то путаете.

— Вадик?

— Да.

— «Ромашки спрятались» играете?

Переглянулись.

— Ах, да, да, — сипло-бархатно сказал Вадик.

Но все-таки вошли. Достают вчерашний листок и мой карандаш. И все снова: «Квартира четыре? Номер телефона менялся?»

— А в чем дело?

— У вас другой номер должен быть. Телефонов понаставили, план выполнили, прогрессивку получили, а адреса все перепутали. Теперь вот ходим, сверяем, — сказал Толик.

— До свидания, гражданка, — сказал Вадик, и они ушли.

Вот и все. Комментарии, как говорится, излишни.

А через два дня, словно по уговору с галантными телефонистами, явились два пьяных слесаря. Один крутил гайки, другой то и дело вопрошал: «Гастроном до восьми?» Ушли. А через час вернулись.

— Хозяйка! У нас к тебе наряд!

— Да вы уже приходили.

Тот, что интересовался работой гастронома, сосредоточенно

установился на меня. Потом в глазах его проглянула осмысленность, и он повелительно произнес:

— Закрой дверь, дура!

Я закрыла, села за машинку и излила душу на этих страничках. А потом задумалась: все мы, «которых много», бесконечно и бесплодно вопрошаем себя и друг друга: «Что же происходит, что же происходит?» Попробую задать этот вопрос и руководителям работников сферы быта.

Я позвонила в жэк. Там мне сказали: «У нас кранов не хватает, дворников не хватает, уборщицы, как динозавры, вымерли, слесарей вы сами, своими рублями, спаиваете, но с утра они еще трезвые. Звоните утром».

На телефонный узел я звонить не стала. У них запарка. Они там все перепутали. Им не до меня. А вот жэк...

Что ж, надо все-таки поговорить с компетентными людьми по этому вопросу. В Ворошиловском райжилуправлении я и задала этот вопрос главному инженеру.

— Уборщиц теперь у нас нет, — говорит главный инженер. — Есть «рабочий по дому». Он убирает во дворе, в камерах мусоропроводов.

Инженер работает в РЖУ давно, и чувствуется, что дело свое хорошо знает, болеет за него. Она все время подчеркивает: людей не хватает. Кроме того, если ныне инженерный состав РЖУ, как правило, имеет высшее образование, то квалификация сантехников и слесарей оставляет желать много лучшего. Город ширится, и эти работники, что называется, расхват.

— Правда, при Главном московском жилуправлении есть ПТУ, специально нашего профиля, но кадры пока к нам не попадают. Ждем, надеемся. Ведь есть решение, чтобы мастеру любой объединенной диспетчерской службы были приданы в подчинение специалисты.

— А сумеете вы их набрать?

— Может, с ПТУ и сумеем. А пока терпим все. И жалобы жильцов знаем и выпивох своих увещеваем, а он в ответ: «Не нравлюсь, так меня в другое место зовут».

Опять все то же: «Нас мало, значит, нам все можно». Но ведь все мы заметили, что в праздничные дни Олимпиады, когда настроение у всех было приподнятое, Москва принимала гостей радушно, с удовольствием. И продавцы были приветливы, и водители троллейбусов, автобусов чувствовали себя в некотором роде гидами, объявляли остановки, рассказывали, какие магазины, рестораны, музеи поблизости. Не бранились, не хлопали дверьми под носом. Значит, можно?

Зашла я как-то в магазин «Светлана» на Кузнецком мосту. Побродила вдоль рядов платяев. Так вот, продавцы были приветливы, вежливы, красиво причесаны, словом, в должном служебном виде. Я заглянула к директору магазина Лидии Дмитриевне Матвеевой.

Какой такой секрет она знает? Вот что она рассказала. Штат магазина укомплектован полностью. Вот приняли на работу сорок девушек, окончивших десятилетку с хорошими характеристиками.

— Нам нужны вежливые, лояльные, спокойные работники, — сказала директор. — Старшие продавцы у нас наблюдают за умением новеньких общаться, за их поведением на рабочем месте, за внешним видом, словом, терпеливо и старательно учат девушек их нелегкому делу. А если придет к нам девушка злая, неприветливая, мы советуем ей сменить профессию. С такими свойствами характера нельзя работать с людьми.

Старшие продавцы заинтересованы в том, чтобы иметь учениц, так как получают за это прибавку к зарплате — десять процентов. Заинтересованы... Может быть, в этом-то и секрет здешней доброжелательности?

А какова вообще материальная заинтересованность и перспектива роста у продавца?

Этот вопрос я задала директору магазина «Весна-2» Раисе Андреевне Овчарек.

Как выяснилось, в этом отношении в магазинах все в порядке. Начинают девушки с учениц, затем становятся продавцами и старшими продавцами. Получают прогрессивку в зависимости от выполнения плана, кроме того, надбавку по системе «Управление качеством труда». (Работника, допустившего оплошность, грубость, такой надбавки лишают.) Это довольно сложный расчет, и приводить арифметические выкладки не наша задача. Главное, что принцип поощрения за хорошую работу существует, равно как и наказание рублем.

Такая же система оплаты и в продовольственных магазинах. Но директор гастронома № 65 Александр Дмитриевич Кондрашов сказал мне, что по сравнению с универмагами у них все-таки почти всегда нехватка кадров. Почему же люди уходят? Дело в том, что здесь продавцу подчас приходится заменять рабочих, таскать ящики. Однако Александр Дмитриевич считает, что в их магазинах продавцов отпугивает не только это. Главное — надо повышать культуру торговли и культуру поведения работников. Вот, скажем, вроде бы такой пустяк — упаковка. Если ввести красивую фирменную упаковку, утверждает он, продавщица почувствует гордость за свой магазин и, как следствие, станет внимательнее и любезнее с покупателями.

Постойте-постойте... Тут есть рациональное зерно! Давайте попробуем разобраться, почему элементарная вежливость в сфере обслуживания — вопрос вопросов.

Будем называть вещи своими именами. Очереди за пресловутым дефицитом, когда накаляются страсти и у продавцов и у покупателей, сезонные хвосты в химчистках, часы пик или просто нарушение

графика на транспорте (к слову, водители хорошо зарабатывают) — все это почва для короткого замыкания, то есть легкого стресса, особенно у людей, не приученных властвовать собой. Тут дело доходит до крика и взаимных оскорблений. Но постоянное мелкое взвинчивание невниманием, пренебрежением, грубостью положила руку на сердце начинается с утра. Скажем, с вопроса по телефону 09. В ответ вам иной раз сердито буркнут, а переспросить — упаси бог! Тут же услышите короткие сигналы. И так почти каждое соприкосновение со сферой обслуживания ставит людей в зависимое, иногда и униженное положение. Но почему же, почему? Давайте-ка подумаем: что научает человека властвовать собой — властвовать во всех ситуациях? Только одно — воспитание, хорошее воспитание, буквально с пеленок. А известно, что ныне далеко не во всех семьях могут хорошо воспитывать детей, потому что родители иногда и сами люди невоспитанные. Значит, тем более усиленно должны воспитывать детские сады, школа. Но школе — весьма часто — не до того. Там дают знания, прививают разумное, доброе, вечное, а вот манерам, хорошим манерам не учат.

Наверное, в школе нужен штатный воспитатель. Человек, специально этому обученный. Ведь были же в свое время классные дамы, которые именно воспитанием и занимались. Плохо ли, хорошо ли, но занимались. А теперь нет в школах такой штатной должности. И в ПТУ ее тоже нет. Не пора ли завести? Чтобы наши дети, благополучные во всех отношениях, эрудированные, речистые, хорошо одетые, не оказывались не владеющими умением общаться — и со сверстниками и со взрослыми.

Наверняка только дурным воспитанием беды в сфере обслуживания не объяснишь. И все же думается, что это сейчас один из важнейших вопросов в целом. А особенно для сферы обслуживания, где практикуется прием на работу после десяти классов и где всю школу своего дела молодежь проходит в магазине, в мастерской, в ателье, жэке. Но тут уж как повезет. Хороший коллектив — есть у кого поучиться. А если нет?

Видимо, стоит подумать и о создании курсов, что ли, где специально подобранные педагоги станут читать лекции о культуре общения и о хороших манерах, над которыми мы когда-то смеялись и которых многим из нас теперь так не хватает.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В этот солнечный день	3
Впереди было лето...	13
Астра	25
Саша в честь Сани...	34
Вас много... (<i>Очерк</i>)	39

Римма Константиновна ЛИХАЧ

ВПЕРЕДИ БЫЛО ЛЕТО...

Редактор Л. М. Наточанная

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 23.07.84. Подписано к печати 17.09.84. А 00422. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,07. Усл. кр.-отг. 2,28. Тираж 91 000 экз. Изд. № 2480. Зак. № 3223. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВЫИГРЫШЕЙ — ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ

● Билеты спортивной денежно-вещевой лотереи «Спринт» можно приобрести в киосках «Спортлото». Их стоимость — 50 копеек, а в специальных выпусках — один рубль.

● В серии со стоимостью билета 50 копеек разыгрывается 10 автомобилей («Волга», «Жигули», «Москвич», «Запорожец»), три мотоцикла («Днепр», «Иж-Юпитер», «Урал») и денежные суммы от одного до 5 000 рублей.

● В серии со стоимостью билета один рубль разыгрывается двадцать автомобилей, в том числе две «Волги», и денежные суммы от трех до 10 000 рублей.

● «Спринт» — лотерея без тиража. Чтобы узнать результат, достаточно купить билет и вскрыть его. Размеры денежных и наименования вещевых выигрышей указаны на запечатанных в конверты билетах.

● Выигрыши до 25 рублей включительно выплачиваются по месту приобретения билета общественным распространителем. Для получения более крупного денежного или вещевого выигрыша билеты сдаются на экспертизу в Центральную сберегательную кассу или сберегательную кассу первого разряда.

● По окончании экспертизы денежные выигрыши можно получить в сберкассе, а вещевые высылаются в адреса владельцев Роспосылторгом.

● Выигрышный фонд каждой серии составляет 50 процентов суммарной стоимости выпущенных билетов. Доходы лотереи направляются на развитие физкультуры и спорта, главным образом на строительство спортивных сооружений, на организацию массовых соревнований. Общий выигрыш участников лотереи — новые стадионы, дворцы спорта, спортивные залы и бассейны, возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье.

Главное управление спортивных
лотерей Спорткомитета СССР